

№ 3 / 2021

www.lawinfo.ru

МОЛОДОЙ ЮРИСТ

ФИНАЛЬНЫЙ ТУР ВСЕРОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЛИМПИАДЫ – 2021

Главный редактор:**Пальцева Маргарита Владимировна****Заместитель главного редактора:****Крюкова Евгения Сергеевна****Редакционный совет:****Минбалева Алексей Владимирович**, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук;**Степанов-Египец Владимир Георгиевич**, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук;**Молотников Александр Евгеньевич**, доцент кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук;**Замышляев Дмитрий Владимирович**, почетный президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», кандидат юридических наук;**Кирьянов Артем Юрьевич**, заместитель попечительского совета Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», член Общественной палаты Российской Федерации, кандидат юридических наук;**Крюкова Евгения Сергеевна**, ассистент кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Научно-образовательного центра «Право и СМИ», кандидат юридических наук;**Ульбашев Алим Хусейнович**, преподаватель Французского университетского колледжа МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук;**Машаров Евгений Иванович**, вице-президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», кандидат юридических наук;**Гутерман Александр Евгеньевич**, член Совета молодых адвокатов МО, кандидат юридических наук;**Долгих Федор Игоревич**, заведующий кафедрой теории государства и права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат исторических наук, доцент;**Пальцева Маргарита Владимировна**, президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», адвокат;**Сербин Михаил Викторович**, вице-президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», заместитель заведующего кафедрой гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук;**Соболева Екатерина Андреевна**, руководитель аппарата Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации»;**Трефилов Александр Анатольевич**, председатель Московского городского отделения при МГУ имени М.В. Ломоносова Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов РФ», кандидат юридических наук;**Цветкова Александра Игоревна**, председатель Совета молодых адвокатов МО;**Шапсугова Мариетта Дамировна**, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права, врио заведующего отделом аспирантуры Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент.**Долганин Александр Александрович**, ассистент кафедры коммерческого права и основ правоведения Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук**ПОБЕДИТЕЛИ ВСЕРОССИЙСКОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ОЛИМПИАДЫ 2021****Пальцева М.В., Филиппова В.С.** Финал
Всероссийской студенческой юридической
олимпиады – 2021 2**Комиссаров Д.А.** Влияние существенного
изменения обстоятельств на договорные
обязательства..... 5**Шутова И.Ю.** Противодействие интернет-
преступлениям в условиях пандемии
коронавируса COVID-19 17**Штенникова Е.В.** Проблемы цифровизации
нотариальных действий..... 23**Левина Я.А.** Цифровой след как объект
судебной экспертизы 32**Гуркина К.А.** О моделях правового
регулируемого искусственного интеллекта:
задачи и перспективы 40**ШКОЛА МАСТЕРОВ****Губанова Т.Н.** Место, где искусство
соприкасается с криминалистикой..... 48**Новогонская М.С.** Личность
киберпреступника: мифы и реальность 54**НАУЧНАЯ РАБОТА МОЛОДОГО ЮРИСТА****Григорьев Е.Г.** К вопросу об элементах
структуры налоговых правоотношений..... 58**УЧРЕДИТЕЛЬ:** Издательская группа «Юрист»**Главный редактор ИГ «Юрист»:**
Гриб В.В., д.ю.н., профессор**Зам. главного редактора ИГ «Юрист»:**
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.**Редакция:** Лаптева Е.А., Курукина Е.И.**НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ
И КОРРЕКТУРА:** Швечкова О.А., к.ю.н.**Центр редакционной подписки:**
Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru, www.lawinfo.ru
Телефон редакции: (495) 953-91-08**Адрес издательства/редакции:**115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ruПлата с авторов за публикацию статей
не взимается.

Номер подписан: 23.08.2021.

Издается в электронном формате.
Распространяется бесплатно.

ISSN 2500-0314

ФИНАЛ ВСЕРОССИЙСКОЙ студенческой юридической олимпиады – 2021

ПАЛЬЦЕВА МАРГАРИТА ВЛАДИМИРОВНА,
президент Молодежного союза юристов РФ,
руководитель проекта ВСЮО-2021

ФИЛИПОВА ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА,
заместитель руководителя проекта ВСЮО-2021

Проjekt проведения всероссийского конкурса знаний студентов-юристов направлен на укрепление системы юридического образования и юридической науки, на содействие и развитие традиций участия студентов в профессиональных студенческих конкурсах в сфере права. Олимпиада призвана стимулировать научный поиск молодых студентов в демократическом правовом государстве, содействовать процессу приобретения ими дополнительных профессиональных знаний и навыков. Широкомасштабный общероссийский конкурс знаний учащихся позволяет выявить лучшие студенческие кадры России, способствует обмену опытом среди высших учебных заведений. Проект служит одним из методов оценки качества обучения юристов в вузах страны, является стимулом для развития и улучшения образовательного процесса в целом.

Всероссийская студенческая юридическая олимпиада (ВСЮО) является соци-

ально значимым проектом Молодежного союза юристов Российской Федерации (МСЮ РФ). Проект реализуется совместно с СПС «КонсультантПлюс» при поддержке ведущих вузов страны, в том числе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Федеральной палаты адвокатов, Издательской группы «Юрист», Российского союза налогоплательщиков.

Ведущие юридические вузы страны, отвечающие высоким стандартам качества юридического образования, выступили базовыми вузами окружных туров Всероссийской студенческой юридической олимпиады — 2021: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Кемеровский государственный университет, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской

Президиум Финального тура ВСЮО-2021 (Пальцева М.В., Гинзбург Ю.В., Сербин М.В., Абдульманов А.А., Абрисимова Е.А., Тхабисимова Л.А., Минбалеев А.В.)

Федерации, Пятигорский государственный университет, Хабаровский государственный университет экономики и права, Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС.

30 мая 2021 года в Общественной палате Российской Федерации состоялся финальный тур Всероссийской студенческой юридической олимпиады. К участию во ВСЮО в качестве жюри были привлечены высококвалифицированные сотрудники и деятели науки.

Численность участников ВСЮО-2021 — 340 студентов, это представители 73 вузов России. В федеральном этапе ВСЮО-2021 приняли участие представители 46 ведущих вузов страны — более 70 студентов.

Победителями и призерами финального тура ВСЮО-2021 по основным номинациям стали:

по номинации «Гражданское право»

1 место — Глащенко Василий Денисович — Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

2 место — Алаев Шамиль Абасович — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

3 место — Николаев Базыр Николаевич — Уральский филиал Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации;

по номинации «Конституционное право»
1 место — Лукин Артём Дмитриевич — Санкт-Петербургский юридический институт Университета прокуратуры Российской Федерации;

2 место — Таилов Гаджикурбан Расулович — Северо-Кавказский институт РПА Минюста России;

3 место — Алябьева Дарья Константиновна — Алтайский филиал РАНХиГС;

по номинации «Уголовное право»
1 место — Ленюский Андрей Александрович — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

2 место — Галинская Ольга Викторовна — Санкт-Петербургский юридический институт Университета прокуратуры Российской Федерации;

*Выступление членов Президума Финального тура ВСЮО-2021
(Сербин М.В., Абдульманов А.А., Абросимова Е.А., Тхабисимова Л.А., Минбалеев А.В.)*

М.В. Пальцева

3 место — Харченко Анастасия Олеговна — Санкт-Петербургский государственный университет.

Победителями по дополнительной номинации стали:

1 место — Комиссаров Дмитрий Александрович — Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (тема доп. номинации: «Влияние существенного изменения обстоятельств на договорные обязательства»);

1 место — Гайдук Вячеслав Александрович — Амурский государственный университет (тема доп. номинации: «Противодействие интернет-преступлениям в условиях пандемии коронавируса COVID-19»);

1 место — Гуркина Ксения Александровна — Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (тема доп. номинации: «Проблемы цифрового права»).

Все организационные вопросы можно задать по адресу эл. почты: vsuo2021@gmail.com

По вопросам членства МСЮ РФ можно обратиться по адресу эл. почты: ispolkom.msu@gmail.com

Ознакомиться с дополнительной информацией возможно на сайте www.mcyo.com

ВЛИЯНИЕ СУЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ на договорные обязательства

КОМИССАРОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

студент Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия
dmitrii.komissaroff@gmail.com

2020 год явил собой период, ознаменовавший беспрецедентную угрозу для человечества XXI века. Помимо невосполнимых людских потерь, пандемия коронавируса нанесла колоссальный удар по гражданскому обороту в целом и торговому обороту в частности: существенно пострадали такие отрасли, как деятельность по организации конференций и выставок, розничная торговля непродовольственными товарами и др. 2021 год также не отстает от «предшественника» и преподносит мировой юридической общественности все новые случаи, имеющие отголосок в сфере права: стихийные объявления локдаунов¹, эскалация различных вооруженных конфликтов², международная напряженность, пятидневное перекрытие Суэцкого канала³ и т.д.

¹ URL: [nbcnews.com/healths/health-news/here-are-stay-home-orders-across-country-n1168736](https://www.nbcnews.com/healths/health-news/here-are-stay-home-orders-across-country-n1168736); [news.un.org/en/story/2020/03/1060132](https://www.news.un.org/en/story/2020/03/1060132); [bbc.com/news/uk-54763956](https://www.bbc.com/news/uk-54763956) (дата обращения: 09.04.2021).

² URL: [bbc.com/news/world-europe-56720589](https://www.bbc.com/news/world-europe-56720589); [bbc.com/news/world-europe-54882564](https://www.bbc.com/news/world-europe-54882564); [bbc.com/news/newsbeat-44124396](https://www.bbc.com/news/newsbeat-44124396) (дата обращения: 09.04.2021).

³ URL: [bbc.com/news/world-middle-east-56743556](https://www.bbc.com/news/world-middle-east-56743556) (дата обращения: 09.04.2021).

В связи с этим в очередной раз актуальность приобрела такая тема научных исследований, как доктрина существенного изменения обстоятельств в договорных обязательствах и смежные с ней вопросы.

Сама идея приведения условий договора в соответствие с волей контрагентов, сформировавшейся вследствие существенного изменения обстоятельств, стала объектом научных изысканий уже в виде доктрины *clausula rebus sic stantibus*. Концепция *rebus sic stantibus* — это средневековая доктрина, согласно которой договор сохраняет силу, если не изменятся обстоятельства, при которых он заключен⁴. Тем не менее необходимость формирования прообраза концепции существенного изменения обстоятельств возникла еще в «классический» период развития римского права (середина III в. до н.э. — конец III в. н.э.), характеризующийся расцветом римской юридической науки, обусловленным деятельностью ряда великих

⁴ Крашенинникова Н.А. История государства и права зарубежных стран. В 2 т. Т. 2: Современная эпоха: учебник / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М.: Норма, ИНФРА-М, 2020 (Высшее образование: Специалитет). ISBN 978-5-00156-114-9. Текст: непосредственный. С. 785.

юристов: Квинта Муция Сцеволу, Сенеки, Секста Элия Пэта Ката, Юния Брута, Аквиллия Галла, Марка Манилия, Цицерона и др.

Древнеримская сентенция «Договоры должны исполняться» являлась центральным принципом договорного права, что неизбежно влекло за собой возникновение спорных ситуаций, оказывающих пагубное влияние как на торговый оборот, так и на систему правоотношений в целом.

В дальнейшем правопорядки, на генезис которых римское право оказывало влияние, дифференцировались в зависимости от того, примат какой концепции в его юрисдикции имеет место: священность договорных связей или же гибкость договорных конструкций во имя справедливого распределения рисков возникновения непредвиденных обстоятельств, характеризующаяся возможностью изменения или расторжения договора вследствие существенного изменения обстоятельств.

Наибольший вклад в становление современной доктрины существенного изменения обстоятельств внесла немецкая цивилистика периода второй половины XVIII — начала XX веков. Впервые в кодифицированном акте принцип *rebus sic stantibus* был воспринят в 1756 году в Кодексе Максимилиана (*Codex Maximilianeus bavaricus civilis*). Затем же он был закреплен и в Прусском Всеобщем земском уложении 1794 г. Уложение исходит в § 377 I 5 из того, что, как правило, «из-за изменившихся обстоятельств» нельзя отказываться от исполнения договора, но тут же добавляет: «Если, однако, в связи с такими непредвиденными обстоятельствами достижение обоими участниками целей, прямо выраженных или вытекающих из природы сделки, станет невозможным, то каждый из них может отказаться от еще не исполненного договора» (§ 378 I 5); «Если вследствие изменения обстоятельств прямо выраженная или очевидная цель становится недостижимой только для одной стороны, она может отказаться от договора, однако должна, если изменения носят лишь

сугубо личный для нее характер, возместить ущерб другой стороне» (§ 380 I 5)⁵.

Между тем при принятии Германского гражданского уложения 1896 г. концепция *rebus sic stantibus*, изложенная в концепции «предположений» Бернхарта Виндшейда, была отвергнута, как подрывающая правовую стабильность в силу своей неопределенности. Согласно этому воззрению, в сделке всегда имеется подразумеваемое предположение одной из сторон о сохранении договора только при определенном стечении обстоятельств.

В Швейцарском гражданском кодексе, разработанном под влиянием Германского гражданского уложения, также отсутствовала общая норма, регулирующая случаи изменившихся обстоятельств. Однако в Швейцарском обязательственном законе, принятом 30 марта 1911 г., имел место пункт 2 статьи 373, посвященный регулированию отношений, вытекающих из договора подряда, и вместе с тем предусматривающий влияние существенного изменения обстоятельств на правовую связь контрагентов: «Однако, если чрезвычайные обстоятельства, которые невозможно было предвидеть или которые были исключены предпосылками, которые принимали в расчет обе стороны, препятствуют завершению работы или чрезмерно затрудняют её, судья может по своему усмотрению разрешить подрядчику либо увеличить оговоренную цену, либо расторгнуть договор»⁶.

На формирование правоприменительной практики концепции *clausula rebus sic stantibus* существенное влияние оказала Первая мировая война и ее последствия, в контексте которых этот институт в доктрине рассматривается наиболее часто. Поскольку механизм существенного изменения об-

⁵ Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 тт. Т. 2 / пер. с нем. М. : Междунар. отношения, 1998. С. 261–262.

⁶ Швейцарский обязательственный закон (Вместе с «Федеральным законом о дополнении Швейцарского гражданского кодекса...») : принят 30 марта 1911 г. (с изм. и доп., вступившими в силу 01.03.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

стоятельств, как уже было сказано ранее, в Германском гражданском уложении отсутствовал, судам приходилось осуществлять толкование § 275 Уложения. Так, согласно данной норме: «Должник освобождается от обязанности чинить удовлетворение, поскольку оно стало невозможным в силу обстоятельства, которое наступило после возникновения обязательства и за которое он не отвечает. Невозможности, наступившей после возникновения обязательства, равняется субъективная невозможность для должника, наступившая после возникновения обязательства»⁷.

Впоследствии сложилась неоднозначная судебная практика. С одной стороны, был принят ряд решений Имперского верховного суда, который усматривал причину «экономической невозможности» исполнения договорных обязательств в войне, революции, транспортных трудностях, поскольку, даже если эти обязательства были бы исполнены после устранения указанных препятствий, их следовало рассматривать как полностью изменившиеся по своему содержанию по сравнению с тем, как это предусматривалось первоначально по договору⁸. Согласно же другой группе решений Имперского верховного суда, продавец освобождался от исполнения договорных обязательств по причине «экономической невозможности» лишь в случаях, когда изготовление товаров возлагало бы на продавца «непосильное бремя»⁹.

Такое положение дел послужило толчком для совершенствования немецкой доктрины существенного изменения обстоятельств, следствием которого стала разработка П. Эртманом теории «основания сделки» («Geschäftsgrundlage»), являющейся по сути продолжением «теории презумпции» Бернхарта Виндшейда. П. Эртман утверждал: «Основанием сделки являются

имевшие место при заключении сделки, признанные контрагентом в своей значительности и не оспариваемые представления одной из сторон или обеих сторон о наличии или наступлении определенных обстоятельств, положенных в основу сделки»¹⁰.

В период реформы немецкого обязательственного права в 2001 г. концепция Geschäftsgrundlage была прямо закреплена в § 313 ГГУ. Так, § 313 ГГУ: 1) если обстоятельства, ставшие основанием для договора, значительно изменились после его заключения и стороны не заключили бы договор либо заключили его с иным содержанием, если бы они предвидели изменение такого характера, можно потребовать адаптации договора, поскольку для одной из сторон участие в договоре без его изменения, с учетом всех обстоятельств дела, в частности распределения рисков в силу договора или закона, неприемлемо; 2) к изменению обстоятельств приравнивается ситуация, когда обнаружена ложность существенных представлений, ставших основанием для договора; 3) если адаптация договора невозможна либо неприемлема в отношении его части, то сторона, поставленная в невыгодное положение, может отказаться от договора»¹¹.

В. Бергман отмечал, то экономическая невозможность, т.е. ситуация, когда должник для приобретения предмета обязательства должен приложить усилия, которые объективно не являются несоразмерными, но в сравнении с его собственными правомерными интересами выходят за пределы разумного (так называемая «граница жертвы»), регулируется не абзацем вторым § 275 ГГУ, а закрепленными теперь в § 313 ГГУ правилами об отпадении основания сделки»¹².

⁷ Гражданское уложение Германской империи. СПб., 1898. С. 51–63.

⁸ Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 263.

⁹ Там же. С. 263.

¹⁰ Кашанин А.В. Кауза сделки в гражданском праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 190–191.

¹¹ Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18 августа 1896 г. (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. на 31.03.2013) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Бергман В. Новое германское обязательственное право (обзор положений вступившего в силу 1 января 2002 г. германского закона о реформе обязательственного права) // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2003. № 6.

Статья 1467 Гражданского кодекса Италии прямо указывает, что долгосрочные договоры, включая договоры о регулярных поставках в течение продолжительного времени, могут быть расторгнуты судом по заявлению одной из сторон, если исполнение договора становится для нее крайне обременительным (*ecessivamente onerosa*) в результате наступления неожиданных и непредвиденных обстоятельств. Однако кодексом также предусмотрен тест для определения возможности применения механизма защиты сторон от последствий таких обстоятельств: 1) договор не может быть расторгнут, если трудности, связанные с его исполнением, не выходят за рамки обычных договорных рисков (*nell'allea normale del contratto*); 2) любая из сторон может воспрепятствовать расторжению договора, предложив адекватные условия изменения договора.

Возвращаясь к дифференциации правопорядков в зависимости от наличия механизма изменения/расторжения договора по причине существенного изменения обстоятельств, можно смело заявить, что Франция относится к категории так называемых закрытых или неадаптивных правопорядков¹³.

Французское правоприменение сложилось таким образом, что суды, вплоть до Первой мировой войны, стойко придерживались положения, изложенного в ст. 1134 ФГК: «Соглашения, заключенные надлежащим образом, имеют силу закона для тех, кто их заключил. Они должны быть исполнены добросовестно»¹⁴. Обстоятельства, возникшие вследствие начала Первой мировой войны, послужили толчком к началу разработки французской интерпретации концепции *clausula rebus sic stantibus — imprévision*.

На сегодняшний день в законодательстве Франции осуществлены некоторые изме-

нения, позволяющие сделать однозначный вывод о развитии «*théorie de l'imprévision*». Вследствие изменений, внесенных Ордонансом № 2016-131 от 10 февраля 2016 г., статья 1195 ФГК преобразовалась в норму, регулируюшую институт существенного изменения обстоятельств. Так, согласно ст. 1195 ФГК: «Если непредвиденное изменение обстоятельств делает выполнение контракта чрезмерно обременительным для стороны, которая не согласилась принять для себя риск, последняя вправе потребовать пересмотра контракта от контрагента. В случае отказа или неудачи повторных переговоров стороны могут договориться о расторжении контракта в дату и на условиях, определяемых самими сторонами, или, по взаимному согласию, попросить суд осуществить адаптацию договора. В случае непредоставления контрагентом согласия в разумный срок другая сторона также вправе обратиться в суд для расторжения договора в дату и на условиях, определяемых непосредственно судом»¹⁵.

Исходя из содержания ст. 1195 ФГК, можно сформировать перечень условий, при наступлении которых использование *clausula rebus sic stantibus* становится возможным. Первым условием является непосредственно непредвиденность существенных изменений обстоятельств, т.е. стороны, заключая договор, никак не рассчитывали на то или иное стечение обстоятельств. Из условия непосредственности, в свою очередь, вытекает уже второе условие, заключающееся в чрезмерной обременительности исполнения обязательств для сторон.

Для иллюстрации попытки применения «*imprévision*» представляется возможным привести случай из французской судебной практики. Так, две организации, являющиеся лицами, содействующими торговле, LKW WALTER — экспедитор, осуществляющий автомобильные и железнодорожные интермодальные перевозки, и S.A.S. THL —

¹³ Очаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. М.: Статут, 2017. С. 9.

¹⁴ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21 марта 1804 г. (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Code civil. URL: legifrance.gouv.fr. (дата обращения: 25.04.2021).

автотранспортная компания, специализирующаяся на перевозке фруктов, состояли в отношениях с ноября 2011 г. LKW была сформирована интермодальная линия между Миланом и Парижем посредством комбинированного использования автомобильного и железнодорожного видов транспорта. Основным сегмент маршрута состоял в основном из железнодорожных путей, а расстояние между железнодорожным терминалом и получателем преодолевали уже непосредственно грузовики. S.A.S. THL с 2011 г. пользовалась этим маршрутом по ежегодно обговариваемым тарифным условиям, а вторую часть перевозки осуществляло 4 грузовика. Вследствие забастовки служащих SCNF (Национальная компания французских железных дорог) в марте 2016 г.¹⁶ LKW сократила количество предоставляемых грузовиков с 4 до 2, о чем уведомила контрагента 29 ноября 2016 г. Уже 23 декабря 2016 г. LKW направила THL письмо о том, что с марта 2017 г. предоставляться будет лишь один грузовик, а их сотрудничество будет прекращено с 31 марта.

4 апреля 2017 г. THL обратилась с иском в Коммерческий суд Парижа в связи с тем, что LKW внезапно расторгла установившиеся коммерческие отношения без надлежащего уведомления за 3 месяца до прекращения сотрудничества, совершение которого предписывает L. 442 II. Коммерческого кодекса Франции¹⁷ и статья 12.2. типового договора на перевозку грузов автомобильным транспортом общего пользования, осуществляемую субподрядчиком¹⁸. Однако абз. 3 L. 442 II. также предусматривает, что положения данной статьи не исключают возможность расторжения договора без уведомле-

ния при возникновении форс-мажорных обстоятельств¹⁹.

Перед судом встала задача определить, может ли вышеупомянутая забастовка выступать форс-мажором и попадает ли она под «*théorie de l'imprévision*», на что указывал истец. Так, судом было установлено, что забастовка не может считаться форс-мажорным обстоятельством в силу отсутствия совокупности двух из трех условий, необходимых для формирования оснований применения положений ст. 1218 ФГК, а именно непредсказуемость и непреодолимость. На такую позицию суда также повлиял тот факт, что в период забастовки ответчик осуществлял свою деятельность при помощи другого перевозчика, что позволило ему избежать серьезных финансовых издержек. Условие непредсказуемости также не посчиталось сформированным в силу сложившейся социально-экономической ситуации в стране, широко освещаемой в СМИ²⁰.

Что касается механизма существенного изменения обстоятельств, то суд также пришел к выводу о том, что положения статьи 1195 ФГК на данный случай распространяться не будут в силу того, что профессиональная деятельность ответчика напрямую связана с SNCF и неосведомленность LKW о забастовках служащих, имевших место и ранее, невозможна.

Так, Решением от 23 января 2020 г. № 2017034833 Коммерческий суд Парижа удовлетворил исковые требования истца и возложил на него выплату компенсации в размере 51 615 евро, а Апелляционный суд Парижа решением от 9 февраля 2021 г. № 20/05074 поддержал выводы суда первой инстанции²¹.

¹⁶ URL: lefigaro.fr/societes/2016/03/07/20005-20160307ARTFIG00311-greve-sncf-ratp-ce-qui-vous-attend-a-partir-demardi-soir.php (дата обращения: 28.04.2021).

¹⁷ Code de commerce. URL: legifrance.gouv.fr. (дата обращения: 28.04.2021).

¹⁸ Décret n° 2003-1295 du 26 décembre 2003 portant approbation du contrat type applicable aux transports publics routiers de marchandises exécutés par des sous-traitants. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>. (дата обращения: 28.04.2021).

¹⁹ Code de commerce. URL: legifrance.gouv.fr. (дата обращения: 28.04.2021).

²⁰ URL: lefigaro.fr/social/2016/02/23/09010-20160223ARTFIG00062-journee-noire-en-vue-dans-les-transports-le-9-mars.php (дата обращения: 28.04.2021).

²¹ 9 février 2021 – CCIP-CA – RG 20/05074 – Rupture brutale des relations commerciales établies – Force majeure – Imprévision – Transport de marchandises. URL: <https://www.cours-appel.justice.fr/paris/090221-ccip-ca-rg-2005074-rupture-brutale-des-relations-commerciales-etablies-abrupt> (дата обращения: 25.04.2021).

Исследуя институт «*imprévision*», имеет смысл сопоставить его с предусмотренным ФГК механизмом форс-мажора, также внесенным вышеупомянутым Ордонансом. Следует отметить, что французские суды применяли его и до нормативного закрепления.

Так, согласно ст. 1218 ФГК: «Применение форс-мажора опосредуется формированием обстоятельств, возникновение которых не зависит от должника и которые нельзя разумно предвидеть во время заключения договора и последствий, которых нельзя было бы избежать при всей осмотрительности, препятствующих исполнению должником своего обязательства. Если препятствие носит временный характер — исполнение обязательства приостанавливается. Если постоянный — обязательство автоматически прекращается за невозможностью исполнения»²².

Таким образом, для осуществления правового регулирования договорных обязательств посредством вышеуказанной нормы необходимо наличие совокупности трех следующих условий. Во-первых, так называемая «внешняя сторона» (*extériorité*), т.е. нахождение события, препятствующего исполнению обязательства, вне зоны контроля должника. Вторым условием является «непредсказуемость» (*imprévisibilité*) — отсутствие возможности предвидения события на момент заключения договора. Третье условие — «непреодолимость» (*irrésistibilité*), невозможность устранения сложившихся обстоятельств. Соблюдение последнего условия считается ключевым для применения механизма форс-мажора, так как французские суды не квалифицируют событие как форс-мажор до тех пор, пока исполнение в принципе возможно, несмотря на колоссальное обременение для должника²³.

²² Code civil. URL: www.legifrance.gouv.fr (дата обращения: 25.04.2021).

²³ URL: shearman.com/Perspectives/2020/03/Force-Majeure-and-Imprévision-under-French-Law-COVID-19 (дата обращения: 27.04.2021).

Учитывая повестку в виде пандемии коронавируса, возможно привести примеры из французской судебной практики со схожим контекстом. Во Франции концепция форс-мажора снискала свое применение еще в периоды распространения эпидемий Эболы и денге, однако оно носило негативный характер.

Например, при рассмотрении дела № 15/12113 от 29 марта 2016 г. перед Апелляционным судом Парижа встал вопрос о допустимости квалификации положения одной из сторон как форс-мажора. Причиной спора послужило нарушение арендатором, профессионалом в сфере гостиничного бизнеса, условий договора аренды недвижимости, заключенного 18 ноября 1997 г. Арендатор, намереваясь избежать расторжения договора вследствие неуплаты арендной платы, указал на то, что распространение вируса Эболы в Западной Африке с 2014 г. и рост джихадизма спровоцировали кризис гостиничного сектора в Сенегале, откуда шел основной поток прибыли стороны, что повлекло за собой приостановку выплат арендной платы²⁴. Суд отклонил данный довод, так как он не увидел взаимосвязи между вышеописанными событиями и задержкой арендных платежей по договору, т.е. отсутствовало соблюдение условия «*irrésistibilité*».

Показательным примером также является постановление Апелляционного суда Нанси от 22 ноября 2010 г. № 2942/2010. Клиника травматологии и ортопедии заключила с туристической компанией договор, по которому 20 человек отправлялось в полупансион на Мартинику. Вследствие вспышки на Мартинике эпидемии лихорадки денге клиника, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства, намеревалась расторгнуть договор. Однако суд постановил, что вспышка новой эпидемии лихорадки на Мартинике не была непредсказуемой из-за эндемо-

²⁴ CA Paris, 29 mars 2016, n° 15/12113. URL: doctrine.fr/d/CA/Paris/2016/RB595ABD22507ACF5522C (дата обращения: 27.04.2021).

эпидемической обстановки в регионе²⁵. Так, в бюллетене организации общественного здравоохранения Франции, посвященном мониторингу эпидемий и их контролю на Мартинике, имеется статистика за период с января 2005 г. по апрель 2006 г., свидетельствующая о большом количестве положительных серологий лихорадки²⁶. Помимо этого, по мнению суда, обстоятельства не соответствовали условию «*irrésistibilité*», так как риск заболевания существенно снижался при использовании средств индивидуальной защиты.

Таким образом, во французской судебной практике прослеживается осторожное отношение к применению концепции *clausula rebus sic stantibus* и стороны, как правило, ссылаются на нее опционально, т.е. в дополнение к иным способам защиты интересов, нарушенных вследствие возникновения объективных обстоятельств, отягощающих исполнение обязательств.

Статья 26 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г. декларирует основополагающий принцип для договорного права: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться»²⁷. Принцип *Pacta sunt servanda* нашел свое отражение также в ряде актов частноправовой унификации, таких как Модельные правила европейского частного права (DCFR) (п. 1 ст. III. — 1:110) и Принципы УНИДРУА (ст. 6.2.1). В российском гражданском законодательстве этот принцип изложен в ст. 309 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсут-

ствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями»²⁸.

Принцип обязательности договора представляет собой незыблемое правило, требующее неуклонного соблюдения участниками оборота. Однако в ГК РФ также упоминаются такие принципиально важные для гражданского права понятия, как добросовестность, разумность и справедливость, содержащиеся в п. 2 ст. 6. При формировании обстоятельств, указанных в ст. 451 ГК РФ, в силу непрерывного действия максимы *pacta sunt servanda*, значение вышеупомянутых принципов нивелировалось бы, что повлекло за собой тяжелую безвыходную ситуацию для сторон. Невозможность лавирования таких обстоятельств однозначно являлось бы неразумным и несправедливым пробелом в правовом регулировании. Вследствие вышесказанного возникает необходимость в формировании правовых механизмов, направленных на отклонение от этого принципа в целях соблюдения законных интересов сторон договора. Таким механизмом и является правило о прекращении договорных обязательств или выходе из него вследствие наступления существенного изменения обстоятельств, закрепленное в ст. 451 ГК РФ и ст. 62 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Так, согласно абз. 1 п. 1 ст. 451 ГК РФ, существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. Изменение или расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств представляет собой «механизм, способный исправить положение, ставшее результатом нарушения равновесия договорных обязательств в силу возникновения обстоятельств, которые

²⁵ CA Nancy, 1re ch., 22 nov. 2010, n° 09/00003. URL: www.doctrine.fr/d/CA/Nancy/2010/B81811A63DBC13171C555

²⁶ Programme de surveillance, d'alerte et de gestion des epidemies de dengue (psage dengue) en Martinique. Version 2 — juin 2007. Dr Pascal Chaud, Dr André Yébakima. C. 72.

²⁷ Венская конвенция о праве международных договоров. URL: un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 29.04.2021).

²⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

контрагенты не могли разумно предусмотреть при заключении договора»²⁹.

Считается, что главной целью положений ст. 451 ГК РФ является «поддержание баланса интересов сторон договора, существенным образом нарушенного в силу непредвиденного изменения внешних обстоятельств, не зависящих от их воли, а конкретные явления, события, факты, которые признаются существенным изменением обстоятельств, применительно к конкретным ситуациям в состоянии определить лишь суд при рассмотрении соответствующего требования»³⁰. При этом сторонам перед обращением в суд следует адаптировать условия договора под изменившиеся обстоятельства или расторгнуть его в рамках переговорной деятельности.

Исходя из содержания данной нормы, для применения *clausula rebus sic stantibus* необходима одновременная аккумуляция четырех условий³¹.

Во-первых, стороны не могли разумно предвидеть того или иного стечения обстоятельств в момент заключения ими договора. Подразумевается, что при установлении допущения сторонами существенных изменений оснований для применения ст. 451 ГК РФ не будет, так как контрагенты осознанно пошли на риск. Как отмечает А.Г. Карапетов, нет оснований для применения ст. 451 ГК РФ и в тех случаях, когда стороны включили в договор механизмы адаптации договора к соответствующим изменениям (предусмотрели плавающие цены, коррекцию цены долгосрочного договора на коэффициент инфляции и т.п.)³².

Во-вторых, причины, спровоцировавшие изменение обстоятельств, должны носить неустранимый характер. То есть при надлежащих по характеру договора и условиям оборота заботливости и осмотрительности заинтересованная сторона все равно была бы не в состоянии преодолеть эти причины.

В-третьих, исполнение обязательства без изменения его условий должно внести такой дисбаланс в имущественные интересы сторон, что заинтересованная сторона в значительной мере лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать в момент заключения договора. В некоторых источниках это условие может рассматриваться как два отдельных, а именно — существенное нарушение эквивалентности договорных обязательств и недостижение цели договора³³.

В-четвертых, из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет сама заинтересованная сторона.

Пункт 4 ст. 451 ГК РФ допускает изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств лишь в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо влечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на адаптированных условиях. Из этого вытекает, что данной нормой провозглашается приоритет расторжения договоров над изменением³⁴. Такое ограничение возможности корректировки договора судом связано со стремлением законодателя обеспечить защиту принципа свободы договора и недопущение

²⁹ Комаров А.С. Изменение обстоятельств и договорные отношения (сравнительно-правовые аспекты) / Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика : сб. памяти С.А. Хохлова / отв. ред. А.Л. Маковский М., 1998. С. 335.

³⁰ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. Т. III : Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование. С. 229.

³¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 14 октября 2008 г. № 5934/08 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2.

³² Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации

[Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020 (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). С. 1301.

³³ Коммерческое право : учебник для вузов / под общей редакцией Е.А. Абросимовой, В.А. Белова, Б.И. Пугинского. 6-е изд., перераб., и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2021 (Высшее образование). С. 348.

³⁴ Решение Арбитражного суда Калужской области от 4 декабря 2020 г. по делу № А23-8008/2019. URL: sudact.ru/arbitral/doc/oNTIU7zaXL6N (дата обращения: 04.05.2021) ; Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 16 октября 2020 г. по делу № А45-19115/2020. URL: sudact.ru/arbitral/doc/QswAtO1rVK1a (дата обращения: 04.05.2021).

ние вмешательства органов судебной власти в формирование условий соглашения. Также изменение договора требует значительно более глубокого понимания сущности правовой связи между субъектами — целей сторон при заключении договора³⁵. Естественно, если расторжение договора приводит к серьезному негативному эффекту, то суд все же изменяет договор, при этом сохраняя его взаимовыгодность для сторон.

Так, например, Арбитражный суд Вологодской области на основании п. 4 ст. 451 ГК РФ внес в договор аренды лесного участка изменения, так как в результате принятия нового лесохозяйственного регламента существенно изменились количественные и качественные характеристики арендованного лесного участка³⁶. Суд исходил из того, что в данном случае расторжение договора повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях.

Другим примером может послужить Решение Арбитражного суда Ульяновской области по иску об обязанности Муниципального учреждения изменить условия муниципального контракта на покупку нежилого здания для муниципальных нужд, а именно, условия, регламентирующие срок исполнения обязательств по передаче объекта недвижимости и права на земельный участок³⁷. Требование истца основывалось на том, что просрочка исполнения обязательства вызвана несвоевременной оплатой авансовых платежей заказчиком в лице Муниципального учреждения, а задержка оплаты платежей, в свою очередь, была вызвана уменьшением бюджетного финансирования. Суд пришел

к выводу о том, что уменьшение финансирования является причиной, соответствующей критериям применения механизма существенного изменения обстоятельств, и внес в договор запрашиваемые истцом изменения. Мотивируя свое решение, суд указал, что расторжение такого договора привело к нарушению общественных интересов, так как объектом строительства по контракту был социально значимый объект — школа.

С учетом изложенного выше примера следовало бы рассмотреть практику применения института *clausula rebus sic stantibus* в рамках государственных и муниципальных контрактов. В российской судебной практике наибольший резонанс вызвало Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 апреля 2018 г. по делу № А40-58425/2017, в котором изложена достаточно резкая позиция: «Положения статьи 451 Гражданского кодекса в части изменения договора в связи с существенным изменением обстоятельств к государственным и муниципальным контрактам не применяются в силу специального регулирования данных отношений Законом № 44-ФЗ»³⁸.

Несмотря на то, что данная позиция снизила популярность в судебной практике³⁹, имеют место также акты, содержащие выводы, противные вышеупомянутому⁴⁰, о чем свидетельствует ранее приведенное Решение Арбитражного суда Ульяновской области. Таким образом, судебная практика применения *clausula rebus sic stantibus* в контексте регулирования государственных и муниципальных контрактов идет порознь.

По мнению Ф.А. Тасалова, «недопустимость действия ст. 451 ГК РФ в отношении

³⁵ Коммерческое право : учебник для академического бакалавриата / Б.И. Пугинский [и др.] ; под общ. ред. Б.И. Пугинского, В.А. Белова, Е.А. Абросимовой. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. С. 349.

³⁶ Решение Арбитражного суда Вологодской области от 4 августа 2020 г. по делу № А13-5947/2020. URL: sudact.ru/arbitral/doc/q1whcDPnNBxx (дата обращения: 04.05.2021).

³⁷ Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 12 августа 2020 г. по делу № А72-5404/2020 // СПС «Консультант-Плюс».

³⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 апреля 2018 г. по делу № А40-58425/2017. URL: sudact.ru/arbitral/doc/iAcwsUYbOqHx (дата обращения: 04.05.2021).

³⁹ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 25 мая 2020 г. по делу № А33-175/2020. URL: sudact.ru/arbitral/doc/dSA5HGyoTUZK (дата обращения: 05.05.2021).

⁴⁰ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18 апреля 2019 г. по делу № А73-15623/2018. URL: sudact.ru/arbitral/doc/EKrv4L5ZRbQd (дата обращения: 05.05.2021) ; Решение Арбитражного суда Камчатского края от 19 апреля 2018 г. по делу № А24-7110/2017. URL: sudact.ru/arbitral/doc/pUplsymqriZV (дата обращения: 05.05.2021).

контрактов не может подтверждаться только двумя аргументами — тем, что Закон № 44-ФЗ носит специальный характер по отношению к ГК РФ, и тем, что он содержит закрытый перечень оснований изменения контрактов, в котором законодатель не установил возможности их корректировки при существенном изменении обстоятельств»⁴¹. На диаметрально противоположные позиции судов влияет в первую очередь характер обстоятельств, применения к которым ст. 451 ГК РФ просят стороны.

Исследуя концепцию существенного изменения обстоятельств и учитывая укрепившуюся путаницу в процессе ее практического применения, необходимо осуществить разграничение *clausula rebus sic stantibus* и смежных институтов обязательственного права.

Начать следует с института невозможности исполнения. Невозможность исполнения обязательств в теории гражданского права рассматривается как основание, не зависящее от воли их сторон. Пункт 1 ст. 416 ГК РФ предусматривает ответственность за неисполнение в виде прекращения обязательства невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. Различаются между собой субъективная невозможность, подразумевающая неспособность конкретного должника исполнить обязательства, и объективная, формирование которой влечет невозможность исполнения для любого должника в принципе, в том числе с привлечением третьих лиц. Объективная невозможность, как известно, также может иметь как фактическую, так и юридическую природу. Фактическая невозможность опосредуется, например, гибелью индивидуально-определенной вещи. Юридическая невозможность, как правило, проявляется в учинении публично-право-

вым субъектом препятствий к осуществлению исполнения посредством запрета или значительных ограничений.

Опираясь на гражданское законодательство, международные договоры и акты *lex mercatoria*, можно выделить четыре признака невозможности исполнения.

Так, помимо ст. 416 ГК РФ, на необходимость наступления невозможности исполнения именно после заключения договора также указывают п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств», ст. 61 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., ст. 3.3. Принципов международных коммерческих договоров (УНИДРУА), ст. II.-7;102 Модельных правил европейского частного права.

Вторым признаком является то, что невозможность исполнения распространяется лишь на обязательства, объектом по которым выступают индивидуально-определенные вещи, а не родовые, что обусловлено максимой «*genus non perit*». То есть гибель какого-либо количества вещей известного рода и качества, лежащая на риске должника, хотя бы и приуроченных к исполнению известного конкретного договора, не означает невозможности его исполнения и к его прекращению не приводит⁴².

В-третьих, налицо должно быть отсутствие вины должника в наступлении невозможности исполнения.

В целом основное отличие существенного изменения обстоятельств от невозможности исполнения сводится к тому, что невозможность исполнения сводит к нулю вероятность исполнения, в то время как концепция существенного изменения не исключает само исполнение, однако делает его крайне обременительным, несправедливым.

⁴¹ Тасалов Ф.А. Изменение условий сделки, заключенной по итогам закупки: актуальные вопросы судебной практики // Вестник арбитражной практики. 2018. № 6.

⁴² Договоры коммерческого права. Проблемы общей теории торговых договоров: учебное пособие для вузов / В.А. Белов [и др.]; под редакцией В.А. Белова. М.: Юрайт, 2021 (Высшее образование). С. 316.

Вторым смежным институтом обязательственного права по отношению к существенным изменениям обстоятельств является действие обстоятельств непреодолимой силы.

Пункт 3 ст. 401 ГК РФ предусматривает освобождение лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору в случае, когда надлежащее исполнение являлось невозможным вследствие непреодолимой силы. Дополняя данную норму, п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» позволяет четко обозначить признаки обстоятельств непреодолимой силы. Таковыми считаются непредотвратимость и чрезвычайность. Если под чрезвычайностью понимается исключительность того или иного обстоятельства, наступление которого носит нетипичный для конкретных условий характер, то непредотвратимость представляет собой невозможность недопущения таких обстоятельств любым участником гражданского оборота, чья деятельность идентична деятельности должника по обязательству.

Несмотря на некоторые сходства, механизмы существенного изменения обстоятельств и обстоятельств непреодолимой силы находятся совершенно в разных плоскостях, поэтому их смешение является некорректным.

Во-первых, они служат абсолютно разным целям. Так, если существенное изменение обстоятельств является инструментом восстановления баланса интересов путем адаптации или расторжения договора, то обстоятельства непреодолимой силы направлены на освобождение должника от гражданско-правовой ответственности.

Во-вторых, кардинально отличаются друг от друга последствия применения этих ме-

ханизмов. Статья 451 ГК РФ предусматривает более сложную и длительную процедуру согласования интересов сторон. Стороны сначала должны попытаться нивелировать свои разногласия самостоятельно, а в случае неудачи обратиться в суд, который на основании представленных доказательств осуществляет изменение или расторжение договора. Пункт 3 ст. 401 ГК РФ, в свою очередь, лишь прекращает договор.

Институт *clausula rebus sic stantibus* был закреплен в российском гражданском законодательстве в облики ст. 451 ГК РФ в 1994 г. Однако как в 1997 г. не сформировалось отношение к существенному изменению обстоятельств в судебно-арбитражной практике⁴³, так и в 2021 г. имеет место настолько серьезная неопределенность, что суды путают данный институт то с действием обстоятельств непреодолимой силы, то с невозможностью исполнения обязательств⁴⁴.

И в отечественной, и в зарубежной судебной практике прослеживается осторожное отношение к применению данного института, так как суды, как правило, отказывают в удовлетворении большинства исков о применении положений *clausula rebus sic stantibus*. Как отмечал Б.И. Пугинский: «Ввиду затруднительности, а порой и невозможности расторжения договоров при существенных изменениях обстоятельств стороны в долгосрочных договорах нередко предусматривают оговорки о специальных рисках, в которых определяют порядок распределения потерь при существенных изменениях обстоятельств или оговорки о существенных затруднениях, которые дают дополнительные договорные основания для корректировки контракта»⁴⁵.

⁴³ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М., 1999. С. 447.

⁴⁴ Договоры коммерческого права. Проблемы общей теории торговых договоров: учебное пособие для вузов / В.А. Белов [и др.]; под редакцией В.А. Белова. М.: Юрайт, 2021 (Высшее образование). С. 315.

⁴⁵ Пугинский Б.И. Коммерческое право России: учебник. 5-е изд. М.: Икд «Зерцало-М», 2013 (Классический университетский учебник). С. 167.

Литература

1. Бергман В. Новое германское обязательственное право (обзор положений вступившего в силу 1 января 2002 г. германского закона о реформе обязательственного права) / В. Бергман // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2003. № 8. С. 101–114.
2. Брагинский М.И. Договорное право. В 5 книгах. Кн. 1. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 2-е изд., испр. Москва : Статут, 1999. 840 с.
3. Гражданское право. В 4 томах : учебник / ответственный редактор Е.А. Суханов. Т. 3. Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2020. 480 с.
4. Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва : М-Логос, 2020. 1425 с.
5. Договоры коммерческого права. Проблемы общей теории торговых договоров : учебное пособие для вузов / В.А. Белов [и др.] ; под редакцией В.А. Белова. Москва : Юрайт, 2021. 341 с.
6. Кашанин А.В. Кауза сделки в гражданском праве : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Кашанин. Москва, 2003. 211 с.
7. Комаров А.С. Изменение обстоятельств и договорные отношения (сравнительно-правовые аспекты) / А.С. Комаров // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика : сборник памяти С.А. Хохлова / ответственный редактор А.Л. Маковский. Москва : Международный центр финансово-экономического развития, 1998. 475 с.
8. Коммерческое право : учебник для вузов / под общей редакцией Е.А. Абросимовой, В.А. Белова, Б.И. Пугинского. 6-е изд., перераб., и доп. Москва : Юрайт, 2021. 590 с.
9. Крашенинникова Н.А. История государства и права зарубежных стран. В 2 томах. Т. 2. Современная эпоха : учебник / ответственный редактор Н.А. Крашенинникова. Москва : Норма, ИНФРА-М, 2020. 816 с.
10. Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств / Т.Г. Очхаев. Москва : Статут, 2017. 208 с.
11. Пугинский Б.И. Коммерческое право России : учебник / Б.И. Пугинский. 5-е изд. Москва : Зерцало-М, 2013. 376 с.
12. Тасалов Ф.А. Изменение условий сделки, заключенной по итогам закупки: актуальные вопросы судебной практики / Ф.А. Тасалов // Вестник арбитражной практики. 2018. № 6 (79). С. 10–19.
13. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 томах. Т. 2 : перевод с немецкого / К. Цвайгерт, Х. Кетц. Москва : Международные отношения, 1998. 512 с.

References

1. Collet, V. Grève SNCF-RATP: ce qui vous attend à partir de ce soir / V. Collet // Le Figaro. 2016. 07 Mars.
2. Laurence, P. Is Russia going to war with Ukraine and other questions / P. Laurence // BBC News. 2021. 13 April.
3. Programme de surveillance, d'alerte et de gestion des epidemies de dengue (psage dengue) en Martinique. Version 2 — juin 2007 / P. Chaud, A. Yébakima. 2007. 25 p.
4. Wu, J. Stay-at-home orders across the country. What each state is doing — or not doing — amid widespread coronavirus lockdowns / J. Wu, S. Smith, M. Khurana // NBC News. 2020. 25 March.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

В условиях пандемии коронавируса COVID-19

ШУТОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА,

студентка Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия
irinashutova2904@mail.ru

Благодаря мощному прогрессу за последнее десятилетие жизнь общества изменилась в лучшую сторону: люди приспособились мгновенно передавать огромное количество информации, благодаря искусственному интеллекту можно в короткие сроки выполнить функции целого отдела, а для оплаты покупок теперь достаточно приложить к специальному терминалу банковскую карту. Вещи, казавшиеся нашим прауродителям непостижимым будущим, стали реальностью буквально за последние десять лет. Одновременно с возникновением новых возможностей достаточно сильно выросло и количество угроз. Киберпреступность многие годы вызывает сильное беспокойство не только в профессиональных кругах, но и в среде обычных людей. Отличительной чертой данного вида преступлений является их нестандартность и мобильность. Довольно трудно, в некоторых случаях даже невозможно, предугадать дальнейший план действий киберпреступников. К тому же стоит отметить, что местонахождение преступного лица и жерт-

вы в зависимости от ситуации может быть совершенно различным: огромное расстояние между ними, совершенно разные страны и т.д. В настоящее время каждый человек (будь то рядовой пользователь компьютера или крупная фирма) рискует оказаться жертвой анонимных злоумышленников в сфере информационных технологий.

По оценкам экспертов, количество киберпреступлений в России к 2021 г. может вырасти примерно в четыре раза, а общие потери нашей страны от них могут превысить 3 триллиона рублей.

Безусловно, большая часть киберпреступлений определяет в качестве своей цели — посягательства не на взаимоотношения в области безопасного использования компьютерного оборудования, а на иные объекты уголовно-правовой охраны, больше, конечно, на право собственности или на основы конституционного строя и безопасности государства. Рассматривая политическую сферу общества, стоит отметить, что она тоже, в свою очередь, находится в тесных взаимосвязях с информационными ресурсами,

которые позволяют ей решать государственные задачи, предоставлять государственные услуги гражданам посредством использования различных цифровых сервисов. Данные сервисы представляются весьма перспективными для развития бизнеса, реализации планов в промышленном секторе экономики и т.д. Сегодня интернет-преступления (киберпреступления) – это серьезная угроза не только для национальной безопасности страны, но и для международной безопасности в целом.

Статистические данные за последнее десятилетие свидетельствуют о беспрецедентном росте киберпреступности в России. Если в 2010 г. было зарегистрировано около 8 тыс. преступлений, то в 2017 г. – 90 тысяч, а по итогам прошлого года – уже 461 тысяча преступлений. Рост за 10 лет более чем в 57 раз!

В связи с актуальностью данной проблемы рассмотрим, как государство осуществляет борьбу с киберпреступлениями и какие законодательные акты оно выпускает. Проанализировав данные нормативно-правовых актов, можно определить характер и уровень противодействия возрастающей угрозе. Рассматривая законодательную базу, направленную против киберпреступности в Российской Федерации (далее также – РФ), необходимо изначально обратить внимание на Стратегию национальной безопасности РФ. Данная стратегия не дает прямого указания на то, что киберпреступность – это угроза для национальной безопасности государства. Но в ней существуют некие отсылки к данному виду преступлений в сфере ИТ-технологий, например, ст. 21–22, они также указаны в стратегических национальных приоритетах – Государственная и общественная безопасность (ст. 43; 47). Следующим документом в данной сфере является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (ИБ), принятая 5 декабря 2016 г. Она позволяет формировать государственную политику и выработать пути улучшения системы обеспече-

ния безопасности в сфере ИТ-технологий. Данная доктрина определяет такую угрозу в сфере информационных технологий, как компьютерная преступность (сфера кредитования и финансирования), компьютерные атаки становятся все изысканней, возрастает их количество и сложность.

М.В. Ступень указывает, что многие страны по-разному классифицируют преступления в сфере кибербезопасности, к примеру, в Испании преступления кибербезопасности охватываются следующими нормами: нарушение прав, связанных с интеллектуальной собственностью (ст. 270 УК); завладение или разглашение коммерческой тайны (ст. 278 УК); сбор, разглашение, искажение или уничтожение информации с ограниченным доступом (ст. 598 УК) и другие. Уголовный кодекс Германии квалифицирует следующие преступления в сфере кибербезопасности: компьютерный шпионаж, компьютерный саботаж и компьютерные манипуляции, целью которых являются компьютерные данные как объект защиты. По мнению некоторых авторов, Российская Федерация определяет киберпреступления как преступления в сфере компьютерной информации, которые объединены главой 28 УК РФ¹. Однако данная точка зрения, по нашему мнению, является необоснованно узкой, потому что не позволяет включить в число интернет-преступлений (киберпреступлений) другие преступления, связанные с использованием информационных технологий.

Действительно, в Уголовном кодексе РФ интернет-преступлениям отведена глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», которая включает 4 статьи (ст. 272–274.1 УК РФ): 1) неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); 2) создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); наруше-

¹ Черных И.А., Незнамова И.А., Квасникова Т.В. Некоторые вопросы уголовной ответственности за киберпреступления // Современный ученый. 2020. № 6. С. 243–248.

ние правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ). Однако помимо этих статей, киберпреступления можно квалифицировать по обычным статьям: клевета (ст. 128.1 УК РФ); мошенничество (ст. 159.3, 159.6 УК РФ), нарушений авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ) и т.д.

Видовым объектом интернет-преступлений являются общественные отношения, нарушающие формирование и использование автоматизированных информационных ресурсов и средств их обеспечения. По своему своему характеру видовой объект является сложным. В него в свою очередь входят несколько объектов, охватывающих права и законные интересы: а) владельцев (в том числе собственников) и пользователей информации, компьютеров, их систем и сетей, средств обеспечения; б) физических и юридических лиц, сведения о которых имеются в автоматизированных информационных ресурсах (банках данных); в) общества и государства, в том числе интересы национальной безопасности. В частности, применительно к гражданам объектом посягательства могут быть здоровье (например, при нарушении правил эксплуатации ЭВМ), имущественные права, право на личную тайну и тайну сообщений, честь и достоинство личности².

Основные составы, сформулированные в ст. 272–274.1 УК РФ, предполагают наличие умысла. Квалифицированные составы, связанные с созданием, использованием и распространением вредоносных программ или с нарушением правил эксплуатации ЭВМ (систем, сетей), предусматривают неосторожную форму вины в отношении тяжких последствий. Умысел же в отношении тяжких последствий влечет необходимость

квалификации деяния по совокупности — по соответствующим статьям о компьютерных преступлениях, чтобы полно охарактеризовать способ совершения деяния и создать возможность для сложения наказания.

В начале марта 2021 г. в крупных городах России (в том числе в Хабаровске) администрации школ начали направлять в родительские чаты сообщения, где предупреждали, что в Тик-токе распространяются призывы к детям совершить самоубийство. В частности, речь шла о роликах, в которых детей призывают поучаствовать в «акции массового суицида 3 марта» (посты на эту тему распространялись в том числе с хештегом #3марта). К ситуации подключились депутаты Госдумы. Вице-спикер Ирина Яровая попросила Следственный комитет найти «организаторов призывов к детскому суициду». Глава Следственного комитета Александр Бастрыкин поручил провести проверку, потребовав «принять исчерпывающие меры по оперативному пресечению противоправных действий и установлению злоумышленников».

В Роскомнадзоре также заявили, что зафиксировали распространение таких видео в Тик-токе. Замглавы РКН по Центральному федеральному округу Николай Макаренко рассказал, что по состоянию на 25 февраля подобные ролики совокупно набрали больше 430 тысяч просмотров.

Проанализировав законодательную базу Российской Федерации, можно сделать вывод, что государство старается как можно быстрее реагировать на угрозы, связанные с техническим прогрессом, и формирует, обновляет, корректирует соответствующее законодательство, которое сможет в полной мере разрешить проблемы современного мира в области IT-технологий. Но почему при такой активной работе государства число киберпреступлений не уменьшается, а наоборот, растет с огромной скоростью?

Причины возникновения такой тенденции могут быть следующие: большое количество киберпреступлений не учитываются, остаются неизвестными (высокая латентность).

² Кучина Я.О. Киберпреступления против собственности: проблемы квалификации и соотношения деяний, запрещенных ст. 272, 273 и 159.6 УК РФ // Российское правосудие. 2020. № 4. С. 82–93.

Этому аспекту могут послужить такие поводы: отсутствие желания у жертвы обратиться в правоохранительные органы; в случае, когда невозможно выявить факт преступления; малозначительный ущерб для жертвы и т.д.). Это, в свою очередь, порождает большую заинтересованность в кругу преступных лиц в сфере IT-технологий, что и приводит к росту популярности киберпреступлений; преступники в сфере информационных технологий обладают достаточно высоким уровнем профессионализма. Они имеют очень высокий уровень знаний и умений в области компьютера. Из статьи В.В. Харина и Т.В. Плотникова можно привести пример, когда подросток 14 лет взломал сервер NASA с целью хранения там своих виртуальных данных; трудность выявления на ранней стадии, проблема при сборе доказательств совершения киберпреступления. Компьютерную информацию довольно легко трансформировать (удалить, скрыть и т.д.), поэтому виртуальные следы выявить довольно трудно. Процесс обнаружения, конфискации и регистрации данных доказательств весьма трудный, а порой даже невозможный³ [1, с. 351]. Все это оказывает большое влияние на процедуру установления (доказывания) вины, что приводит к росту количества нераскрытых преступлений в данной отрасли; слабая регламентация нормативных и правовых актов, законодательство «шагает не в ногу» с развитием современных отношений в сфере IT. Некоторые деяния в сфере компьютерных технологий вообще не влекут уголовных и иных видов ответственности.

Исходя из вышеперечисленных причин можно сделать вывод, что киберпреступления — это злободневная проблема и угроза в сфере безопасности государства, общества и человека. Хоть и появились данные виды преступных деяний сравнительно недавно, обороты они набирают с каждым днем, о чем

свидетельствуют официальные статистические данные.

В связи с распространением коронавирусной инфекции в 2020 г. приостановилась работа достаточно большого количества предприятий, фабрик, заводов, компаний, учреждений не только в пределах нашей страны, но и по всему миру, миллионы людей оказались изолированными от социальной жизни, находились в уединении с собой⁴. При таких обстоятельствах доходы граждан различных стран значительно уменьшились. Анализ данных Росстата свидетельствует, что во втором квартале 2020 г., когда ограничительные меры в связи с коронавирусом были наиболее жесткими, доходы россиян снизились примерно на 8–9% в годовом исчислении.

Говоря о падении уровня доходов у большинства людей, стоит отметить то, что именно этот фактор послужил такому скоротечному росту активизации преступников. В период пандемии фиксируется большой рост преступлений в сфере семейных взаимоотношений — это семейно-бытовое насилие, и в сфере IT-технологий — киберпреступность. В доказательство можно привести статистические данные за первый квартал 2020 г. В этот период рост преступлений в сфере информационных технологий возрос до 85,1%, а их удельный вес составил около 21,7% от общего числа. Именно эта тенденция сыграла большую роль в росте общего числа преступности в России — количество преступлений выросло на 4–5%. Хотелось бы отметить тот факт, что с 2000 г. в большинстве стран мира, в том числе и в России, количество совершаемых преступлений снизилось приблизительно на 71,5–72%. В первую очередь снизилось число насильственных преступных деяний. Смею предположить, что фактором, содействующим данной тенденции, послужило увеличение количества свобод-

³ Айков Д., Сейгер К., Фонсторх У. Компьютерные преступления. Руководство по борьбе с компьютерными преступлениями. М.: Мир, 1999.

⁴ Вепрев С.Б., Нестерович С.А. Особенности преступлений с использованием компьютерных технологий // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 26–40.

ного времени, которое люди тратят на различные телекоммуникационные системы, социальные сети, компьютерные игры и т.д. С таким быстротечным развитием технологий человек стал тратить уйму времени на Интернет, поэтому у него просто-напросто не хватает времени на совершение каких-либо действий в повседневной суете, в том числе и на подготовку, совершение преступлений у него нет времени.

Следует отметить, что в сфере уголовного судопроизводства, а если быть точнее, то изменения, которые были внесены за последнее время в текст Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ, не в полной мере освещают потребности правоприменителя в современном мире, в том числе и по отношению к довольно актуальному направлению — борьбе с киберпреступностью.

Представляется, что определенная пробельность права имеет место по отношению к теории доказательств и доказывания. Так, к примеру, по сей день, несмотря на тот факт, что в ст. 81.1 УПК РФ (от 2016 г.) содержится указание на рассмотрение электронных носителей информации в качестве вещественных доказательств, самостоятельного значения они не имеют, о чем может свидетельствовать отсутствие указания на них в перечне ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Смеею предположить, что такого рода подход нерационален, так как заинтересованность представляет не только процессуальная форма (т.е. предмет материального мира, выраженный в качестве вещественного доказательства), но и сама информация как таковая, в случае если она имеет прямое отношение к предмету доказывания и отражена на материальном носителе.

В связи с вышеизложенным предлагается проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в части совершенствования противодействия киберпреступлениям»:

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Со-

брание законодательства Российской Федерации, 2001, № 52, ст. 4921; 2002, № 22, ст. 2027; № 30, ст. 3015, 3020, 3029; № 44, ст. 4298) следующее дополнение:

Часть вторую статьи 74 дополнить пунктом 4.1 следующего содержания:

«4.1) электронные носители информации».

Таким образом, именно такое сочетание вышеуказанных составляющих говорит о возможности законодательного определения электронных носителей информации в качестве самостоятельного вида доказательств, подлежащего включению в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

В условиях современного мира Российская Федерация должна регулярно развивать и совершенствовать внутреннюю нормативную базу в сфере кибербезопасности. Представляется, что эффективным и результативным шагом могла бы стать проработка и опубликование Федерального закона «О кибербезопасности», направленного исключительно на регулирование отношений в области информации.

Так, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации используется понятие «информационная безопасность». Данное понятие несет в себе содержательный смысл, так как само по себе понятие «информация» — это довольно обширный термин, включающий в себя сведения в разных формах ее проявления.

Подобным нормативно-правовым актом, регулирующим общественные отношения в сфере информации, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который расширяет границы норм права и регулирует все ее виды информации. Но стоит отметить, что информация в сфере компьютерных технологий непосредственно взаимосвязана с возможностью компьютерной обработки и отличается своей спецификой, что приводит к необходимости создания специальных условий для обеспечения ее безопас-

ности. Представляется, что в данный закон требуется внести понятие «кибербезопасности» и дать ему определение. Речь тут идет, безусловно, о состоянии технологической безопасности национальных информационно-телекоммуникационных ресурсов и гарантии их деятельности без ущерба для национальной безопасности, порядка в обществе, законных прав и интересов организаций и граждан. При таком довольно прогрессивном развитии технологий стоит в первоочередном порядке, безусловно, сказать о технологической защищенности информации в компьютере. На мой взгляд, при разработке данного закона необходимо принимать во внимание цели и направления развития в области цифровой трансформации, перечисленные в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до

2030 года». Это говорит о том, что происходит рост значимости цифровых преобразований на национальном уровне. Также новый нормативно-правовой акт даст возможность установить своеобразный баланс правовых средств и возможность закрепить специальные правовые режимы, которые позволят достичь высокого уровня государственного управления в области информационных технологий. В связи с довольно активным развитием информационных технологий и общения людей в интернет-пространстве, каждый гражданин должен знать и понимать все правила безопасного пребывания и поведения в сети, а разработчики программ и составители национальных баз данных должны неукоснительно соблюдать и исполнять требования, установленные на законодательном уровне и направленные на полноценное обеспечение национальной безопасности.

Литература

1. Айков Д. Компьютерные преступления. Руководство по борьбе с компьютерными преступлениями / Д. Айков, К. Сейгер, У. Фонсторх. Москва : Мир, 1999. 351 с.
2. Батаева Т.А. Актуальные проблемы борьбы с мошенничеством в сфере компьютерной информации / Т.А. Батаева // Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития : материалы международной научно-практической конференции (г. Уфа, 28 сентября 2016 г.). В 2 частях. Ч. 2 : сборник научных статей / ответственный редактор А.А. Сукиасян. Уфа : ОМЕГА САЙНС, 2016. С. 143–145.
3. Вепрев С.Б. Особенности преступлений с использованием компьютерных технологий / С.Б. Вепрев, С.А. Нестерович // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 26–40.
4. Вехов В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / В.Б. Вехов ; под редакцией Б.П. Смагоринского. Москва : Право и закон, 1996. 182 с.
5. Волков К.А., Шереметьева А.К. Пандемия COVID-19 как обстоятельство непреодолимой силы // Юридический мир. 2020. № 10. С. 40–45.
6. Гончарова С.В. Киберпреступления и преступления по телефону / С.В. Гончарова, Е.Н. Полунина // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 359–363.
7. Кучина Я.О. Киберпреступления против собственности: проблемы квалификации и соотношения деяний, запрещенных ст. 272, 273 и 159.6 УК РФ / Я.О. Кучина // Российское правосудие. 2020. № 4. С. 82–93.
8. Черных И.А. Некоторые вопросы уголовной ответственности за киберпреступления / И.А. Черных, И.А. Незнамова, Т.В. Квасникова // Современный ученый. 2020. № 6. С. 243–248.

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

ШТЕННИКОВА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА,

студентка Ижевского филиала
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
lady.shtennickowa@yandex.ru

Все общественные отношения без исключения не стоят на месте, постоянно развиваются и влияют абсолютно на все сферы жизни человека и государства в целом. Двадцать первый век ознаменован появлением новых технологий, новых способов реализации прав человека и гражданина, новых форм совершения сделок и не только. Многие правовые процессы ввиду актуализации информационных технологий переводятся в электронный формат, что, безусловно, облегчает многочисленные процедуры, но с другой стороны — может повлечь за собой правовые проблемы. Неоспоримо, что такой переход позволяет эффективно заключать договоры в удаленном формате, когда стороны находятся далеко друг от друга, это облегчает большую массу процессов, освобождает от дополнительной работы, однако при заочных сделках, электронных форматах стороны могут столкнуться с таким явлением как мошенничество и недобросовестные участники сделки.

Важно отметить, что электронный оборот не защищен от недобросовестных действий сторон, нет механизмов для того, чтобы участники договоров и иных элементов

взаимодействия субъектов правовой сферы чувствовали себя полностью защищенными. Это, без сомнений, требует особого внимания со стороны законодателя, необходимо найти пути решения проблемы, что защитило бы права и граждан, и юридических лиц при совершении действий в электронном пространстве.

Практически любое действие в таком вопросе не обходится без участия нотариата, который в соответствии со ст. 1 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее — «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате») призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации (далее также — РФ) защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации¹. Именно нотариат позволя-

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 10. Ст. 357.

ет обезопасить стороны различных сделок и договоров от недобросовестных контрагентов и от всевозможных нарушений в целом. Нельзя не взять во внимание Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате»². Там установлено, что защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц достигается путем совершения нотариусами нотариальных действий от имени нашего государства, что «гарантирует доказательственную силу и публичное признание нотариально оформленных документов». Нотариусы обязаны рассматривать каждую ситуацию в совокупности и со всех точек зрения, что будет гарантировать как доказательную силу, так и публичное признание официальных документов, которые оформлены нотариально.

Нотариальные действия есть и будут востребованы ввиду повышенного доверия со стороны физических и юридических лиц, следовательно, данная тема для исследования крайне актуальна в настоящее время и подлежит детальному исследованию и разрешению ряда вопросов, возникающих в его ходе.

Рассматривая совершение нотариальных действий в электронной форме, обратимся к ст. 44.2 «Основ законодательства о нотариате в РФ», где установлено, что по просьбе лица, обратившегося за совершением нотариального действия, нотариус может совершить нотариальное действие путем изготовления нотариального документа в электронной форме. В том случае, когда удостоверяемый документ должен

быть в обязательном порядке подписан лицом, обратившимся за совершением нотариального заверения, такое лицо обязано подписать документ в присутствии нотариуса простой электронной подписью, далее документ в электронной форме подписывается квалифицированной электронной подписью нотариуса.

В данной норме не раскрывается понятие электронного документа, поэтому обратимся к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», по которому электронный документ — это документированная информация, представленная в электронной форме, в виде, пригодном для восприятия человеком, с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Также согласно Приказу Минюста России от 16 апреля 2014 г. № 78 «Об утверждении Правил нотариального производства» исходящие от нотариуса электронные документы должны быть оформлены в соответствии с такими правилами и должны иметь реквизиты, установленные для аналогичного документа на бумажном носителе, за исключением собственноручной подписи нотариуса и оттиска печати с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации³.

Из вышесказанного мы делаем вывод о том, что нотариальное законодательство совершенствуется и подстраивается к современным реалиям. Как мы видим, изначально в «Основах законодательства Российской Федерации о нотариате» есть положение о заверении электронными документами, которые впоследствии приравниваются к бумажным.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18805/

³ Приказ Минюста России от 16 апреля 2014 г. № 78 «Об утверждении Правил нотариального производства» // Российская газета. 2014. 25 апреля.

Далее в 2019 г. Правительством Российской Федерации в Государственную Думу был внесен законопроект, а затем был принят Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который внес существенные изменения в «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате». Как говорилось в пояснительной записке, законопроект был разработан в рамках реализации государственной программы «Цифровая экономика», который бы служил эффективным инструментом оптимизации нотариальной деятельности и повышения доверия нотариальной защите прав физических и юридических лиц в непростое время цифровизации общества⁴.

С принятием данного Федерального закона перед юридическими и физическими лицами открывается широкий круг прав, которые позволяют в электронном виде совершать различные нотариальные действия. Таковыми являются, к примеру, засвидетельствование верности перевода, передача документов иному лицу, принятие в депозит денежных средств и ценных бумаг, совершение исполнительной надписи, передача на хранение документов, удостоверение равнозначности электронного документа, изготовленного нотариусом, произведение обеспечения доказательств, получение выписки из реестра уведомлений о залоге движимого имущества и другие. Заявитель по своему усмотрению выбирает место совершения нотариального действия, выбирает конкретный нотариальный округ или субъект Российской Федерации, а дальнейшее взаимодействие происходит удаленного и уже между заявителем и исполнителем от оплаты такого действия до получения готового нотариального доку-

мента в электронной форме (возможен вариант отказа в совершении нотариального действия).

2020 г. стал для всего мира непростым, в условиях эпидемии новой коронавирусной инфекции стал крайне актуален электронный документооборот без непосредственного контакта сторон, поэтому в этом свете данный институт мы можем охарактеризовать как обусловленный объективным современным развитием.

Как мы уже сказали, на данном этапе для того, чтобы удостоверить сделку, не обязательно совместное присутствие ее сторон, так как они по своему усмотрению выбирают нотариусов, обговаривают и согласовывают условия сделки.

Единая информационная система создана нотариатом для упрощения электронных сделок, они создаются в электронной форме и подписываются сторонами в присутствии выбранного нотариуса, это делается в двух экземплярах, как и было до изменений. Однако один подписывается простой электронной подписью и остается в электронном формате, а второй удостоверяется «живой» печатью, а он сам остается в нотариальной конторе. Соответственно, у каждой стороны сделки остается свой электронный вариант, который подписан простой электронной подписью, а также усиленной квалифицированной подписью двух нотариусов, по одному выбранному на каждую сторону.

Можно сделать вывод, что удостоверенный таким образом (т.е. дистанционно) документ двумя и более нотариусами мы можем считать договором, который был заключен в письменной форме и подписан сторонами.

Однако здесь у нас появляется одна из проблем такого нововведения — нотариальный тариф взимается всеми участвующими нотариусами, т.е. понесенные участниками сделки расходы удваиваются, что

⁴ Имансу А.С. Удостоверение сделок в электронном виде // Нотариус. 2017. № 6. С. 20–21.

не является преимуществом данного вида удостоверения. Мы считаем, что это несправедливый подход и данный вопрос необходимо решать на законодательном уровне, а именно приравнять обычный оборот и оборот электронный к единому тарифу и не удваивать его в связи с удаленностью сторон друг от друга.

Логично предположить, что на данный момент такой вид обращений не является популярным среди граждан, но в связи с тенденцией нарастания борьбы с эпидемией новой коронавирусной инфекции, а также повышением внимания к цифровой экономике в целом перенятый опыт зарубежных стран, а именно оттуда взята возможность обращения к нескольким нотариусам, уже в этом году будет приковывать к себе взгляды населения и в первую очередь сторон бизнес-проектов и не только.

В связи с тем, что появляется необходимость автоматизированной проверки электронного материала, далее речь пойдет об автоматизированной проверке информации о нотариальном документе с использованием машиночитаемой маркировки, размещенной на документе. Теперь по ст. 5.1 «Основ законодательства Российской Федерации» машиночитаемая маркировка, размещенная на нотариальном документе, должна содержать дату совершения такого действия, его регистрационный номер, вид нотариального действия, фамилию, имя и отчество нотариуса, которые указываются на нотариальном документе, нотариальный округ данного нотариуса, данные о заявителях и их представителях (фамилия, имя, отчество для физического лица и полное наименование, идентификационный номер налогоплательщика либо основной государственный регистрационный номер для юридического лица). Теперь каждый бумажный документ на бумажном носителе должен иметь такую машиночитаемую маркировку в целях обеспечения доказатель-

ства его достоверности. Информацию по такой машиночитаемой маркировке можно проверить через уже всем знакомый портал государственных услуг и непосредственно через сервис проверки таких маркировок.

На современном этапе развития системы нотариата хорошо формируется межведомственное взаимодействие между самим нотариатом и другими службами, такими как, например, Федеральная налоговая служба Российской Федерации и Пенсионный фонд Российской Федерации.

В рамках работы с Федеральной налоговой службой России нотариат имеет право получать различную конфиденциальную информацию, это могут быть сведения о номерах банковских счетов, вкладах, наименованиях банков, местах их нахождения, вклады наследодателя в момент смерти, в связи с ведением наследственного дела. Также известно, что с 29 декабря 2020 г. справки о выдаче свидетельства о праве на наследство и о нотариальном удостоверении договоров дарения будут направляться нотариусом через единую информационную систему в налоговый орган не позднее пяти дней со дня совершения такого нотариального действия.

В «Основах законодательства Российской Федерации о нотариате» нет прямого установления понятия нотариальной тайны и конфиденциальной информации, хотя и есть косвенное указание на то, что нотариус обязан хранить в тайне данные, которые он получил при выполнении нотариальных действий. Мы считаем, что для защиты прав и законных интересов граждан необходимо полностью устранить незаконное использование таких сведений. Для этих целей прежде всего необходимо закрепить понятие «конфиденциальная информация» и «нотариальная тайна».

Можно сказать, что в такие сведения могут входить самые различные данные, например, сам факт обращения гражданина

в нотариат, вся задокументированная информация, все сведения, которые нотариус получает при общении с клиентом, все условия совершенного нотариусом действия, все сведения о лицах, других объектах права.

Конечно, полного доступа к конфиденциальной информации не имеет никто, кроме самого нотариуса, единая информационная система также имеет свои системы защиты, и получить такой доступ возможно только в силу прямого указания закона. Однако может возникнуть такая ситуация, когда личные сведения могут быть предоставлены третьим лицам, хоть это и строго регламентировано «Основами законодательства Российской Федерации о нотариате».

Но обратим свое внимание на ст. 34.4 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», где ряд сведений, например, о доверенности, о залоге движимого имущества, о наследственных делах, находится в свободном доступе в сети Интернет. Такие реестры разработаны для обеспечения защиты информации граждан, поэтому они есть и будут актуальны и необходимы. Вот в этих случаях законодатель и должен урегулировать не только порядок предоставления сведений, но и защиту от их возможной передачи третьим лицам.

Также присутствует непосредственная связь нотариата и Пенсионного фонда Российской Федерации, например, необходимые для совершения нотариальных действий сведения о страховом номере индивидуального лицевого счета физического лица, о недополученной пенсии на день его смерти будут получаться через единую информационную систему по запросу нотариуса из Пенсионного фонда Российской Федерации.

Далее обратимся к ст. 34.4 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», а именно к открытию доступа к сведениям об открытии наследственно-

го дела. Данное изменение мы можем увидеть наглядно — публичный реестр наследственных дел позволяет, с одной стороны, быстро получать доступ к различным сведениям (имя, фамилия, отчество, дата рождения, дата смерти наследодателя, сведения об открытии наследственного дела, где указаны и фамилия, имя, отчество нотариуса).

Как мы знаем, Гражданский кодекс Российской Федерации, в ч. 3 от 26 ноября 2001 г. статьей 1154 установил срок, который дается наследникам для обращения к нотариусу с заявлением о принятии наследства. Такой публичный реестр позволит быстро реагировать и осуществлять своевременный мониторинг своих наследственных прав.

Далее перейдем к такому институту нотариата как нотариальное хранение документов в электронном виде. В главе XVIII «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» дополняется порядок нотариального хранения — появляется новый объект, которым является электронный документ. Заявитель может отправить свой документ через единую информационную систему непосредственно в нотариат, но при этом сам нотариус не сможет получить доступ к содержанию такого документа.

Как уже отмечалось выше, такое заявление должно быть подписано усиленной квалифицированной электронной подписью заявителя, которому выдается свидетельство о принятии на хранение электронного документа в соответствующей форме, которую также подписывает квалифицированной электронной подписью сам нотариус.

Существует неопровержимое преимущество такой формы хранения — свой документ заявитель может получить в любой точке нашего государства, если само заявление подписано усиленной квалифицированной электронной подписью и обязательно содержит информацию об идентификаторе хранилища электронного документа.

Важно отметить, что конфиденциальность документа сохраняется при любых обстоятельствах, а спустя полгода после истечения срока хранения и после двукратного автоматического уведомления заявителя такой документ уничтожается.

Как мы выяснили, нотариальное удостоверение сделок в описываемой форме производится при главном условии — наличии у заявителя личной электронной подписи. Перед тем как удостоверить сделку, нотариус обязан проверить подлинность такой квалифицированной подписи по Федеральному закону от 6 мая 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». По данному закону существует несколько видов таких подписей — простая электронная подпись, усиленная неквалифицированная подпись и усиленная квалифицированная электронная подпись⁵.

Подлинность в таком случае осуществляется при использовании единой информационной системы нотариата или при работе специального программного обеспечения, разработанного в соответствии с Приказом Минюста России от 16 апреля 2014 г. № 78 «Об утверждении Правил нотариального производства»⁶. И только после такой проверки и получения положительного результата является возможным непосредственное нотариальное удостоверение сделки в электронном формате.

«Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» обуславливают требования к такому электронному формату и документу, согласно ст. 103.8 данного нормативного правового акта требования прописываются федеральными органами исполнительной власти, которые осуществляют функции по контролю и надзору в рассматриваемой сфере.

Рассмотрим непосредственный формат документа, который разработан При-

казом Министерства юстиции Российской Федерации от 30 сентября 2020 г. № 227 «Об утверждении требований к формату нотариально оформляемого документа в электронной форме»⁷.

Утвержденные Решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 16 сентября 2020 г. № 16/20⁸ требования к формату нотариально оформляемого документа в электронной форме определяют формат нотариально удостоверенного, совершенного или выданного нотариусом, лицом, замещающим временно отсутствующего нотариуса, с использованием программно-технических средств документа в электронной форме, в том числе выписки из реестров единой информационной системы нотариата, постановления об отказе в совершении нотариального действия, постановления об отложении нотариального действия.

Такой электронный документ, согласно Приказу, изготавливается нотариусом в определенном формате — PDF, а в случае, если на официальном сайте оператора единой информационной системы в Интернете размещена схема, подлежащая использованию для изготовления в формате XML, то такой документ должен быть подготовлен в виде связанных файлов PDF и XML. Далее, XML-схема подлежит изменению, она должна быть размещена на сайте оператора единой информационной системы не позднее чем за один месяц до ее введения.

Также в ином формате подготавливается свидетельство о регистрации уведомления о залоге движимого имущества и выписка из реестра уведомлений о таком за-

⁵ Федеральный закон от 6 мая 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Российская газета. 2011. 8 апреля.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30 сентября 2020 г. № 227 «Об утверждении требований к формату нотариально оформляемого документа в электронной форме» // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: www.pravo.gov.ru. 5 октября 2020 г. № 0001202010050072.

⁸ Решение Правления Федеральной нотариальной палаты от 16 сентября 2020 г. № 16/20 // Консорциум «Кодекс»: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565912472>

логе, они подготавливаются нотариусом в виде XML-файла, XML-схема которого размещается на официальном сайте оператора единой информационной системы. Интересно отметить, что электронный образ документа на бумажном носителе формируется в виде одного файла изображения в формате PDF, сканирование которого должно производиться с разрешением 300 точек на дюйм (dpi) в оттенках серого, глубина цвета 8 бит на пиксель.

Как уже много раз оговаривалось, документ подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью в формате PKCS#7 (это отдельная электронная подпись в кодировке DER). В законе прописывается, что в случае, если электронный документ изготавливается нотариусом в виде связанных между собой файлов в формате PDF и XML, тогда такой подписью подписывается весь пакет, который состоит из данных файлов, и при этом каждый файл считается подписанным такой подписью.

Известно, что удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе, согласно ст. 103.8 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», означает подтверждение тождественности содержания соответственно электронного документа документу, который составлен нотариусом на бумажном носителе. В таком случае оба документа будут иметь юридическую силу и будут равнозначны удостоверены нотариусом. Также в статье прописано, что изготовление электронного документа для удостоверения его равнозначности документу на бумажном носителе осуществляется нотариусом путем изготовления электронного образа документа на бумажном носителе и подписания его квалифицированной электронной подписью нотариуса.

Конечно, электронный оборот имеет в себе множество положительных сторон, на-

пример, многие авторы указывают на то, что снижение документооборота на бумажных носителях не только облегчит работу нотариата, но и поспособствует сокращению времени для заключения сделки или иного нотариального действия, что в конечном итоге обязательно положительно скажется на всем делопроизводстве в целом.

Как мы говорили в самом начале, электронный документооборот все же имеет и слабые стороны. Множество ученых в теоретическом и практическом плане говорят о несовершенстве безопасности электронных сделок и, в частности, цифрового нотариата. Здесь мы говорим, к примеру, о хакерских атаках, главным риском которых является искажение, изменение и даже уничтожение итоговых электронных документов. Мы считаем, необходимо разработать программный продукт, который бы стал решением данного вопроса и внедрение которого обеспечило бы сохранность и конфиденциальность информации. Конечно, это может повлечь за собой увеличение финансовых затрат на услуги нотариуса, и тем самым увеличатся тарифы для совершения такого нотариального действия.

Авторы отмечают, что одним из аспектов, который подлежит рассмотрению, является привлечение к ответственности недобросовестных сторон в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения условий сделки. При обращении в суд с исковыми требованиями необходимо доказать обстоятельства и факты, которыми сторона истца обосновывает требования. Стоит учитывать, что сделка заключена и удостоверена в электронном формате, поэтому возникает вопрос по тем обстоятельствам, на которые и ссылается истец. Конечно, такие электронные документы могут служить в качестве доказательств в гражданском процессе, но практика показывает, что участники процессуальных правоотношений не всегда положительно относятся к такому

документообороту и с опаской принимают такую информацию.

Мы считаем, необходимо включать в доказательную базу электронные документы в целях положительного влияния на судебную и правоприменительную практику и повышения значения данного вида доказательств. Тогда это также будет способствовать повышению защиты прав и законных интересов сторон сделки, укреплению их гарантии.

По нашему мнению, при анализе дальнейшего развития нотариата в сфере защиты прав и законных интересов человека и гражданина необходимо усовершенствовать взаимодействие нотариата и суда, в особенности это касается мировых судей, так как на них ложится большая нагрузка, мы связываем это с развитием сферы электронного правосудия и документооборота, о чем и идет речь в нашем исследовании.

Мы считаем, необходимо сформировать такие новые механизмы взаимодействия суда и нотариата, их представителей между собой, что позволило бы в дальнейшем наладить сплоченную работу данных сообществ. За основу можно взять идею введения в состав советов судей нотариусов, т.е. приглашать их как специалистов, наблюдателей, это обеспечило бы обмен правовой информацией между аппаратами.

Нечасто такие предложения вносятся исследователями, однако это не только упростило бы большинство действий, как, например, заверение судебных материалов и доказательств, с суда бы была снята данная обязанность, что повысило бы эффективность правосудия.

Важно отметить порядок исправления ошибок, которые могли бы быть допущены при совершении нотариальных действий.

Федеральный закон № 480-ФЗ дает понятие технической ошибки (описки, опечатки, грамматической или арифметической ошибки либо иной технической ошибки):

допущенная при регистрации нотариальных действий в реестрах единой информационной системы нотариата и приведшая к несоответствию сведений, содержащихся в единой информационной системе нотариата, сведениям, содержащимся в нотариально оформленных документах, на основании которых вносились сведения в единую информационную систему нотариата. Такая техническая ошибка исправляется нотариусом при ее обнаружении в записях, в том числе по требованию заявителя либо на основании решения суда. Помимо этого, разграничивается порядок устранения ошибки в зависимости от того, на каком именно этапе совершения нотариальной сделки она допущена.

Если такая ошибка допущена при регистрации нотариальных действий в реестрах единой информационной системы нотариата и привела к несоответствию сведений, которые содержатся в нотариально оформленных документах, то исправление технической ошибки выполняется таким образом, чтобы можно было прочесть все ошибочно написанное в первоначальном тексте.

Сведения об исправлении технической ошибки в нотариально оформленном документе вносятся в реестр нотариальных действий единой информационной системы. Арифметическая же ошибка исправляется при наличии письменного согласия каждого из указанных лиц. В отсутствие такого согласия арифметическая ошибка может быть исправлена на основании решения суда.

Нередко такие ошибки нотариусов могут приводить к плачевным последствиям, сказываться на состоянии имущества сторон сделки и не только. Мы считаем, необходимо внести изменения в действующее законодательство в данной сфере. Начнем непосредственно с «Основ законодательства Российской Федерации», а именно ст. 17, где прописана ответственность нотариуса.

Предлагаем абзац 1 изложить в следующей редакции: «Нотариус, занимающийся частной практикой, несет полную имущественную ответственность за вред, причиненный по его вине имуществу гражданина или юридического лица в результате совершения нотариального действия с нарушением закона, в том числе при совершении технической ошибки при исполнении нотариального действия, если иное не установлено настоящей статьей».

Помимо этого, предлагаем внести изменения в ст. 333.25 Налогового кодекса Российской Федерации, добавить ч. 3 в следующей редакции: «Стороне и (или) сторонам нотариального действия возвращается государственная пошлина, ранее уплаченная за совершение нотариального действия и предусмотренная статьями 333.24, 333.25 настоящего Кодекса, при условии, если нотариусом, совершающим нотариальное действие, была допущена ошибка, повлекшая за собой негативные последствия».

Предлагаем дополнить ч. 1 ст. 71 ГПК формулировкой: «также выполненные в цифровой форме нотариально заверенные документы».

Законодатель долгое время ставил вопрос цифровой экономики в один ряд с другими крайне важными задачами, поэтому цифровой нотариат начал свою активную трансформацию.

Мы уже оговаривали, что идея цифрового нотариата перенята из зарубежного

опыта, при существующих «соседских» реформах. Цифровой нотариат стал прототипом Французского нотариата, но во внимание не было принято то, что еще в 2007 г. в Азербайджане ввели электронный документооборот, причем довольно передовой, например, нотариусы не просто направляют документы в налоговые органы, они сами являются налоговыми агентами, которые осуществляют взаимодействие с различными государственными службами (служба социальной защиты, министерство труда, пограничная служба и другие). Это решение необходимо ввести и в полномочия наших нотариусов.

Также в целях профилактики мошенничества при принятии Федерального закона № 480-ФЗ законодатель хотел ввести фотофиксацию сторон сделки, которая уже применяется азербайджанским нотариатом, но по какой-то причине этого не произошло. Думаем, что данное условие повысило бы надежность совершенных сделок.

Анализируя систему цифровой нотариальной деятельности в Российской Федерации, мы можем сказать, что стоит направить курс ее развития по образцу института зарубежных стран, более развитых в данном вопросе, так как российский нотариат только встает на путь цифровизации, а также существует положительный опыт, который бы послужил отличной почвой для изучения и внедрения наиболее удачных цифровых технологий в деятельность российского нотариата.

Литература

1. Бегичев А.В. Нотариат : учебник для бакалавров / А.В. Бегичев. Москва : Проспект, 2018. 288 с.
2. Имансу А.С. Удостоверение сделок в электронном виде / А.С. Имансу // Нотариус. 2017. № 6. С. 20–21.
3. Кириллова Е.А. Проблемы развития электронного документооборота в российском нотариате / Е.А. Кириллова // Нотариус. 2017. № 1. С. 6–9.
4. Прощалыгин Р.А. Правовое регулирование нотариального удостоверения сделок в электронной форме / Р.А. Прощалыгин // Нотариус. 2017. № 5. С. 39–42.

ЦИФРОВОЙ СЛЕД как объект судебной экспертизы

ЛЕВИНА ЯНА АНАТОЛЬЕВНА,

студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
yna.levina@bk.ru

Современное общество устроено таким образом, что без использования информационных технологий невозможно полноценно развиваться, учиться, работать и просто жить. Существует множество различных курсов повышения квалификации, языковых программ и т.д., посещение которых основано на дистанционном формате. Тот факт, что большое количество информации возможно получить из небольшого устройства, безусловно, является удобным для человека: нет необходимости ехать долгое время в определенное место или идти в банк, когда нужно перевести кому-то какую-либо денежную сумму. Все это определенно облегчает жизнь, бережет мускульные силы людей.

Однако, как и в любом процессе, здесь также есть и минусы. Это выражается в росте числа преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Об этом говорит официальная статистика Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее также — РФ)¹. Так, только за январь-декабрь 2020 г. в Рос-

сии совершено 510 396 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Количество таких преступлений увеличилось на 73,4% по сравнению с 2019 г. Из них раскрыто 94 942 преступлений (число увеличилось на 45,5% по сравнению с 2019 г.). Остались нераскрытыми 379 830 преступлений (на 83,9% больше, чем в 2019 г.).

За январь-февраль 2021 г. зарегистрировано 81 496 таких преступлений². Из них 46 916 преступлений являются тяжкими и особо тяжкими.

Из статистики мы видим, что количество совершаемых преступлений достаточно велико, однако их раскрываемость низка. Также можно сделать вывод о повышении профессионализма преступников, что говорит о повышенной опасности совершаемых ими преступлений. Полагаем, что основной причиной нераскрытия указанных

МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 16.04.2021).

² Состояние преступности в России за январь-февраль 2021 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/23447482/> (дата обращения: 18.04.2021).

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр»

преступлений является их сложность с точки зрения технической и информационной составляющей.

Эта составляющая выражается в тех следах, которые оставляют после себя «IT-преступники». В современной криминалистике такие следы называют «виртуальные следы», «цифровые следы». Мы будем использовать понятие «цифровые следы». Напомним, что для целей криминалистики выделяют материальные и идеальные следы. Материальные следы отображаются в окружающей среде в результате механического, химического, биологического, термического и иного воздействия на нее. К материальным объектам относят также и отдельные объекты. Идеальными следами является информация, воспринятая и запечатленная человеком в виде мысленных (памятных образов). Цифровые следы, на наш взгляд, нельзя отнести к материальным следам, так как отсутствует отображение в окружающем мире. Нельзя их отнести и к идеальным следам, так как цифровой след все-таки существует, но не в голове человека, а на электронных устройствах.

Отметим, что законодательное регулирование цифровых следов отсутствует. Делаются попытки дать определение цифровым следам, а также предлагаются классификации.

В «Концепции комплексного регулирования (правового регулирования) отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики», представленной Фондом «Сколково», предлагается различать активные и пассивные цифровые следы: «Активный цифровой след формируется самим пользователем, который намеренно оставляет в информационных системах о себе различную информацию. Пассивный цифровой след образуют данные, которые оставляются ненамеренно или вследствие работы программного обеспечения»³.

³ Концепция комплексного регулирования (правового регулирования) отношений, возникающих в связи с развитием циф-

ровой след — это объект, который существует достаточно давно, однако активное его исследование началось недавно. С одной стороны, человек оставляет большое количество цифровых следов, и этим могут воспользоваться злоумышленники. С другой — благодаря цифровым следам эти же злоумышленники могут быть обнаружены правоохранительными органами.

Каждый пользователь сети Internet оставляет след — активно или пассивно, как указано выше. IP-адрес, MAC-адрес, IMEI и т.д. — все это является «компьютерной характеристикой человека». Такие данные закономерно остаются на аппаратно-программных средствах: серверах провайдеров, администраторов социальных сетей, конечном оборудовании.

Мы можем воспользоваться так называемым «правом на забвение», в соответствии с которым оператор поисковой системы обязан по требованию физического лица прекратить выдачу неактуальной и недостоверной информации о нем, а также информацию, распространяемую с нарушением законодательства⁴. В 2020 г. для реализации данного права поисковой системой Яндекс получено 1902 обращения по основанию «нарушения законов» (удовлетворено 446, или 23%), 4526 обращений по основанию «неактуальность» (удовлетворено 2128, или 47%) и 2599 по основанию «недостоверность» (удовлетворено 684, или 26%)⁵.

Поисковая система Google за период май 2014 г. — январь 2021 г. получила 1 054 252 запроса на удаление, а также 4 114 887 URL, которые от Google требовали

ровой экономики. URL: <https://sk.ru/documents/>(дата обращения: 18.04.2021).

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 09.03.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

⁵ Раскрытие информации о запросах. URL: <https://yandex.ru/company/privacy/transparencereport> (дата обращения: 23.04.2021); Запросы на удаление контента на основании европейского законодательства о конфиденциальности. URL: <https://transparencyreport.google.com/eu-privacy/overview> (дата обращения: 23.04.2021).

удалить (удалено 47,1% URL)⁶. Однако такая информация продолжает храниться у оператора, поскольку он только прекращает выдачу ссылки в результатах поиска, но не уничтожает ее. Ввиду этого мы еще раз подтверждаем тезис о том, что цифровой след всегда оставляется человеком и вряд ли когда-то исчезнет.

Кроме этого, социальная сеть имеет право предоставить для расследования преступления сведения, которые не затрагивают конституционные права человека и гражданина (адрес личной страницы пользователя; дата создания страницы; номер телефона и электронной почты пользователя; IP-адрес, с которых пользователь осуществлял вход на страницу; история изменений пароля, логина (имени пользователя), номера телефона; история обращений в службу поддержки; история блокировок страницы пользователя). Но в случае, если суд вынес соответствующее определение, правоохранительным органам предоставляется вся необходимая информация.

Исследователи Е.Р. Россинская и И.А. Рядовский под «цифровыми следами» понимают криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи⁷. В более бытовом понимании под цифровыми следами подразумеваются данные, которые образуются при использовании смартфонами, умной бытовой техникой, фитнес-трекерами и т.д. Собираение и обработка таких данных выгодна для маркетинга, социологии и т.д.

Применительно к криминалистике признаками цифровых следов являются,

во-первых, невозможность восприятия непосредственно органами чувств, а только с помощью специальных устройств и программ; во-вторых, требование новых, отличных от традиционных, способов, методов и процедур по обнаружению, фиксации и обеспечению сохранности.

Из-за отсутствия восприятия органами чувств такие следы являются трудно выявляемыми и трудно собираемыми. В некоторых преступлениях цифровые следы являются единственными оставленными следами. Для работы с ними нужна соответствующая квалификация, поскольку человек без специальных знаний не может их обнаружить. Вспомним одно из важнейших для криминалистики свойств материи — отражение (при взаимодействии объектов каждый из них отражает свойства другого). Лица, совершающие преступления с использованием информационных технологий, взаимодействуют, можно сказать, с виртуальными, нематериальными объектами. Однако это не является основанием для прекращения действия вышеописанного свойства материи, что говорит о возможности обнаружения и исследования цифровых следов.

При возникновении проблем в расследовании преступлений, где оставлены цифровые следы, закономерно возникает вопрос о возможности их исследования экспертами. Современная судебная экспертиза стремится к широкому исследованию различных видов следов. Стремительное развитие общества, а вместе с тем и возрастание уровня подготовки к преступлениям является причиной появления новых родов и видов экспертиз, а также стимулом для разработки новейших методик для проведения экспертиз.

В работе будут рассмотрены вопросы о возможности исследования цифрового следа в судебных экспертизах, а также о проблемах, которые могут при этом воз-

⁶ Запросы на удаление контента на основании европейского законодательства о конфиденциальности. URL: <https://transparencysreport.google.com/eu-privacy/overview> (дата обращения: 23.04.2021).

⁷ Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–8.

никнуть. Рассмотрим данные вопросы в аспекте речеведческих экспертиз — лингвистической, автороведческой и фоноскопической.

Судебная лингвистическая экспертиза — это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и/или письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в языкознании и судебном речеведении⁸. Особенно актуальна такая экспертиза в настоящее время, когда интернет-коммуникация играет большую роль для большинства пользователей. К объекту исследования лингвистической экспертизы относят единицы языка и речи, представленные на любом материальном носителе.

Однако не стоит отождествлять материальный носитель и речь, зафиксированную на нем. Материальный носитель и информация, зафиксированная на нем, действительно связаны, поскольку нематериализованный речевой продукт не может подвергаться исследованию. Устная речь может быть объектом экспертизы только тогда, когда она материализована на фонограмме. Вообще, под материальными носителями в рассматриваемой экспертизе понимают книги, журналы, плакаты, газеты и т.д., а также цифровые носители. К ним можно отнести аудио- и видеофонограммы, сообщения, посты в социальных сетях, мемы. Отметим, что для исследования сообщений, постов, мемов и т.п. необходимо предоставить протокол осмотра нотариусом сайта/страницы, где и размещены перечисленные объекты. С точки зрения криминалистики все вышеописанное относится к материальным следам. Приме-

нимо ли понятие цифрового следа к лингвистической экспертизе? С точки зрения В.Д. Никишина, для целей такой экспертизы можно применить лишь широкое понимание цифрового следа. Цифровые носители, представляемые на исследование эксперту, сами по себе являются цифровыми следами, однако эксперты-лингвисты работают именно с зафиксированными на цифровом носителе речевыми продуктами. Также В.Д. Никишиным отмечается, что истории посещения веб-страниц, данные об IP-адресе (т.е. пассивные цифровые следы) не исследуются экспертами-лингвистами, но описываются ими для установления материального носителя речевого продукта (например, серийный номер цифрового носителя и т.д.)⁹. Фоноскопическая экспертиза в век информационных технологий представляет исследование не только речевых и неречевых сигналов, записанных в двоичном коде на фонограмме, но и цифровых данных, их носителей, кодеков, систем синтеза голоса и речи, программ цифровой обработки звуковых сигналов¹⁰.

На сегодняшний день трудно представить запись голоса в аналоговой форме, т.е. на магнитную ленту на кассете, микрокассете и т.д. Цифровая форма фиксации речи самая распространенная в современном мире, поскольку это просто и удобно. Технологии дошли до того, что без труда можно изменить свой голос с помощью приложений, скачанных бесплатно из App Store, Google Play. Голоса могут изменяться и профессионалами. Все это ставит перед экспертами-фоноскопистами сложную

⁸ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза: теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации: судебно-экспертные учреждения, назначение экспертизы в суде, типичные экспертные ошибки, заключение эксперта, порядок проведения экспертиз. М.: Проспект, 2010. С. 340.

⁹ Никишин В.Д. Объекты судебной лингвистической экспертизы: новые вызовы криминогенной интернет-коммуникации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6 (70). С. 86.

¹⁰ Галяшина Е.И. Современные проблемы экспертизы цифровых фонограмм // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности: материалы научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, 5 апреля 2019 г.). М.: РФ-Пресс, 2019. С. 54–61.

задачу — установить наличие/отсутствие признаков внесения изменений в фонограмму. Мы полагаем, что при фоноскопической экспертизе возможно исследование цифровых следов, поскольку эксперт имеет дело зачастую не только с речевыми сигналами, но и с примененными для различных целей (например, монтаж, модификация голоса) компьютерно-техническими средствами.

При проведении автороведческой экспертизы специальные филологические знания в области исследования речи применяются для установления факта авторства. Объекты такой экспертизы похожи на объекты вышеупомянутых экспертиз, т.е. это рукописные и машинописные тексты, смс-сообщения, письма электронной почты, посты в блогах и т.д. Автороведческая экспертиза также может работать с цифровыми следами в широком понимании, как и в лингвистической экспертизе. Зачастую автороведческая экспертиза может дать больше информации, чем компьютерно-техническая, которая имеет в качестве объекта не только цифровой носитель, но и непосредственно цифровой след. Так, довольно часто пост может быть опубликован под псевдонимом или же обладатель IP-адреса, с которого текст был размещен в Интернете, может и не быть автором. В таких случаях исследование непосредственно цифрового следа не даст результатов.

Таким образом, для речеведческих экспертиз применимо понятие цифрового следа как цифрового носителя. Выделим два вида цифровых следов: в узком и широком смысле. В широком понимании цифровой след — это цифровой носитель, в узком понимании — информация, оставленная в виртуальном пространстве. На наш взгляд, все перечисленные объекты являются цифровыми следами, поскольку они оставлены в сети Интернет. Это имеет значение, например, для компьютерно-технической экспертизы.

Однако речеведческие экспертизы исследуют не сам факт оставления цифрового следа в виртуальном пространстве, а его содержание. Таким содержанием является продукт речевой деятельности, который зафиксирован на материальном носителе. Цифровой носитель речевого продукта — цифровой след в понимании лингвистической, фоноскопической и автороведческой экспертизы. Исключением является фоноскопическая экспертиза, при проведении которой уделяется внимание технической стороне. Более того, Е.Р. Россинская и И.А. Рядовский утверждают, что для определения свойств цифрового следа требуется использование специальных методов, процедур и способов, с помощью которых можно выявить, зафиксировать и обеспечить сохранность использования таких следов¹¹. Для лингвистической и автороведческой экспертизы характерны методы, которые используются в науках о языке, поскольку главная задача эксперта-лингвиста или эксперта-автороведа состоит в исследовании речевого продукта.

Рассмотрим проблемные вопросы исследования цифровых следов в речеведческих экспертизах.

Безусловно, в судебно-экспертной деятельности важными элементами являются, помимо исследования, выявление цифровых следов, их фиксация и изъятие. Для компьютерно-технической экспертизы предъявляются объекты для исследования следователем. Следователи в большинстве случаев не обладают специальными знаниями для изъятия цифровых следов на исследование. Так, сложны случаи изъятия следов с удаленных серверов, с облачных хранилищ и т.д. Т.А. Сааков и Е.Р. Россинская предлагают следующие рекомендации для

¹¹ Семикаленова А.И. Особенности определения объекта судебной программно-компьютерной экспертизы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12 (16). С. 71.

изъятия цифровых следов из социальных сетей и мессенджеров¹²:

1) оперативность фиксации и изъятия цифровых данных;

2) привлечение специалиста в области IT-технологий или информационно-компьютерной безопасности в соответствии со ст. 168 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ);

3) верификация соответствия символического адреса сайта и настоящего IP-адреса посредством осуществления трассировки сайта, что должно подтверждаться записью в протоколе. Трассировка предполагает получение информации из своеобразного хранилища, где находится информация о ходе выполнения программы, т.е. последовательности возникновения события в компьютере. По мнению авторов, трассировка позволяет отследить путь доступа от сервера, при помощи которого осуществлялся вход в информационно-коммуникационную сеть следователем, до сервера, на котором расположен осматриваемый информационный ресурс (контент сайта);

4) проведение расчета контрольной суммы файла(-ов) (хеш-суммы), зафиксированного на электронном носителе информации. Это является важным, поскольку хеш-сумма, зафиксированная в протоколе осмотра, изменится, если в файл внести изменения;

5) копирование информации с оригинала на несколько электронных носителей информации. Данное действие позволит сохранить криминалистически значимую информацию;

6) обязательное составление протокола следственного действия, а также приложение к нему изъятых цифровых данных.

Фототехническая и видеотехническая судебная экспертиза в настоящее время

объектом исследования имеет цифровые фотографии и видеозаписи. Очевидно, что такая экспертиза исследует как сам цифровой носитель, так и изменения, внесенные в изображения (монтаж). Портретная экспертиза, вопреки фототехнической и видеотехнической экспертизам, исследует признаки внешности человека, запечатленного на видео или фото. На наш взгляд, фототехническая (видеотехническая) и портретная экспертиза взаимосвязаны, так как при помощи первой возможно обнаружить цифровые следы внесения изменений в изображение внешности человека. Этот тезис подтверждается авторитетным мнением А.М. Зинина : «в современных условиях выполнения судебно-портретных экспертиз необходимо на стадии предварительного исследования осуществлять программно-аппаратную оценку изображений, представленных на электронных носителях»¹³.

Так, по гражданскому делу, которое рассматривалось в Кемеровском суде, назначена комплексная судебная экспертиза. В проведении исследования участвовали эксперт в области портретной экспертизы и эксперт в сфере использования программных средств. Обстоятельства дела были следующими: В. Голованов и В. Грызихин обратились к компании сотовой связи, которая для рекламы своих услуг использовала изображение шахтера (В. Голованов — шахтер, В. Грызихин — фотограф), опубликованное на обложке книги «Кузбасс». Истцы предполагали, что изображение было изменено путем использования программного обеспечения, однако основные признаки, благодаря которым и узнавался В. Голованов, остались. По итогам исследования эксперты пришли к выводу, что, несмотря на обработку изображения, основные пропорции

¹² Россинская Е.Р., Сааков Т.А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 121.

¹³ Зинин А.М. Особенности судебно-портретной экспертизы электронных изображений человека // Материалы научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, 5 апреля 2019 г.). М. : РГ-Пресс, 2019. С. 93, 95.

лица В. Голованова, общие контуры глазной, носовой, ротовой и подбородочной области были воспроизведены¹⁴.

Почерковедческая экспертиза может иметь объектом исследования цифровую копию документа. В соответствии с выводом Верховного Суда РФ действующее законодательство не запрещает проводить почерковедческую экспертизу на основании копий документов. Вопрос о методике проведения экспертизы применительно к вопросам, поставленным в постановлении о назначении экспертизы, относится к компетенции лица, проводящего экспертизу¹⁵. Копия документа может быть в бумажном или цифровом виде, изготовленной электрофотографическим способом или способом цифровой фотографии.

Цифровая копия документа также является цифровым следом, но в рамках судебно-почерковедческой экспертизы применимо понятие цифрового следа как цифрового носителя. Безусловно, в цифровую копию текста документа вполне возможно внести изменения с помощью программного обеспечения. Однако определение монтажа в компетенцию эксперта-почерковеда не входит. Но эксперт-почерковед также может диагностировать факт рукописного или нерукописного выполнения почеркового объекта. Это важно, поскольку такой вывод позволяет судить о возможном устройстве и программном обеспечении, с помощью которого выполнена, например, подпись. Актуальным является использование графопостроителей — устройств, позволяющих использовать для воспроизведения почерковых объектов привычные пишущие приборы.

¹⁴ Зинин А.М. Судебная портретная экспертиза: решение диагностических задач; исследование нетипичных объектов. М.: РФЦСЭ при МЮ РФ, 2018. С. 60–65.

¹⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 14 марта 2017 г. № 20-КГ16-21 // СПС «КонсультантПлюс».

Для решения вопросов о технической фальсификации цифровой копии эксперт вправе воспользоваться правом ходатайствовать перед руководителем судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы экспертов соответствующей специальности в соответствии со ст. 17 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹⁶.

Таким правом может воспользоваться любой эксперт, в чью компетенцию не входит исследование цифрового следа в его узком понимании.

Таким образом, цифровые следы являются актуальными на сегодняшний день объектами экспертного исследования. Цифровой след — это криминалистически значимая компьютерная информация о событиях или действиях, отраженная в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи. Цифровой след может быть активными и пассивным.

Мы предлагаем также различать 1) цифровой след как цифровой носитель, содержащий криминалистически значимую информацию (широкое понимание); 2) цифровой след как компьютерно-техническое вмешательство в исследуемый объект. Нами сделан вывод о том, что в рамках таких речеведческих экспертиз, как лингвистическая и автороведческая, не исследуются цифровые следы в их узком понимании. В неречеведческих экспертизах (портретная, почерковедческая) также не исследуется цифровой след в узком понимании. Однако цифровые следы являются типичными объектами для фоноскопической, компьютерно-технической, фототехнической, видеотехнической экспертиз.

¹⁶ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

Эксперты-речеведы, эксперты-почерковеды и эксперты в области портретной экспертизы вправе ходатайствовать о привлечении иных экспертов в случае, если имеются подозрения о технической фальсификации исследуемого объекта (например, монтаже видео).

В условиях информатизации общества требуется несколько иной подход к исследованию в области судебной экспертизы.

Мы не можем игнорировать тот факт, что мир стремится к цифровизации всех сфер жизнедеятельности. Не исключается, а даже подтверждается рост профессионализма преступников в сфере IT.

Для высокоэффективной борьбы с преступниками требуется законодательная регламентация, связанная с цифровыми следами, а также дальнейшее развитие теории цифровых следов в современной криминалистике.

Литература

1. Галяшина Е.И. Современные проблемы экспертизы цифровых фонограмм / Е.И. Галяшина // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности : материалы научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, 5 апреля 2019 г.) : сборник научных статей / редакторы: Е.Р. Россинская, А.К. Лебедева, Е.Г. Белякова. Москва : РГ-Пресс, 2019. С. 54–61.
2. Зинин А.М. Особенности судебно-портретной экспертизы электронных изображений человека / А.М. Зинин // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности : материалы научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, 5 апреля 2019 г.) : сборник научных статей / редакторы: Е.Р. Россинская, А.К. Лебедева, Е.Г. Белякова. Москва : РГ-Пресс, 2019. С. 93–95.
3. Зинин А.М. Судебная портретная экспертиза: решение диагностических задач; исследование нетипичных объектов : учебно-практическое пособие / А.М. Зинин. Москва : РФЦСЭ при МЮ РФ, 2018. 73 с.
4. Никишин В.Д. Объекты судебной лингвистической экспертизы: новые вызовы криминальной интернет-коммуникации / В.Д. Никишин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6 (70). С. 79–88.
5. Россинская Е.Р. Концепция цифровых следов в криминалистике / Е.Р. Россинская, И.А. Рядовский // Аубакировские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (г. Алматы, 19 февраля 2019 г.) : сборник научных статей. Алматы : Қазақстан Республикасы ІІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗжРБЖҰБ, 2019. С. 6–8.
6. Россинская Е.Р. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза : теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации : судебно-экспертные учреждения, назначение экспертизы в суде, типичные экспертные ошибки, заключение эксперта, порядок проведения экспертиз / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. Москва : Проспект, 2010. 464 с.
7. Россинская Е.Р. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров / Е.Р. Россинская, Т.А. Сааков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123.
8. Семикаленова А.И. Особенности определения объекта судебной программно-компьютерной экспертизы / А.И. Семикаленова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12 (16). С. 71–74.

О МОДЕЛЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: задачи и перспективы

ГУРКИНА КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

студентка Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
s0121586@msal.edu.ru

Искусственный интеллект — тот случай, когда нужно быть достаточно дальновидными в вопросах регулирования, иначе может оказаться слишком поздно.

Илон Маск

Внедрение технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) как ключевого фактора развития цифровой экономики на сегодняшний день стало мировым трендом. Технологические решения на платформе ИИ в экономических областях и различных социальных сферах дадут прирост мировой экономики в 2024 г. не менее 1 трлн долларов США¹.

На сегодня приоритетными направлениями разработок и применения технологии ИИ стали: медицина, образование, правоприменительная деятельность, промышленность, сельское хозяйство, транспорт, быт и многие другие социальные сегменты. Основные позитивные ожидания от применения технологии ИИ связаны с повышением

качества жизни и предоставляемых услуг, в том числе публичных. Однако специфические особенности данного вида цифровых технологий актуализируют задачи по вопросу эффективности правовых регуляторов данной сферы.

В основе законодательства о робототехнике и искусственном интеллекте лежат законы Айзека Азимова: 1) робот не может действием или бездействием причинить вред человеку; 2) робот должен повиноваться приказам человека, если они не противоречат Первому Закону; 3) робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам². Данные правила отражены, например, в Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. «Гражданско-

¹ Указ Президента Российской Федерации (далее также — РФ) от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

² См. подробнее: Холодная Е.В. О перспективных направлениях правового регулирования в сфере технологии искусственного интеллекта // Вестник МГЮА. 2019. № 12 (64). С. 91.

правовые нормы по робототехнике»³, определяющей направление развития европейских национальных законодательств по направлению ИИ.

Европа пошла по модели стратегического обеспечения развития сферы ИИ⁴, развивая положения стратегий точечными законами по отдельным вопросам, касающимся ИИ и робототехники⁵. Так, например, в Германии⁶ и Дании⁷ в 2017 г. были внесены изменения о беспилотном транспорте в законы о дорожном движении. В Эстонии приняли нормы об использовании роботов-курьеров, доставляющих различную корреспонденцию и покупки в рамках определенной территории⁸.

Одной из первых комплексных попыток правового урегулирования сферы технологий ИИ на уровне национального законодательства стало принятие в 2008 г. Закона Южной Кореи «О развитии и распространении умных роботов». Был создан специализированный институт по развитию робототехники (Korea Institute for Robot Industry Advancement (KIRIA)), получивший широкие полномочиями по проведению исследо-

ваний, разработке стратегий и международному сотрудничеству в сфере робототехники и технологий ИИ. В механизм правового регулирования включили зонирование сфер применения роботизированных механизмов (Robotland), особый льготный режим деятельности для компаний — производителей роботов и технологий ИИ, а также установлена уголовная ответственность за ряд нарушений, допущенных такими производителями.

В Китае в 2017 г. был принят План развития технологий ИИ нового поколения⁹, согласно которому планируется модернизация сферы публичного управления на платформе искусственного интеллекта (оказание публичных услуг, аналитика политической ситуации, стратегические решения по вопросам государственного управления на основе технологии ИИ и др.). Среди факторов по эффективной реализации Плана выделены требования по разработке положения об ИИ и этических норм и усиление требований по технической регламентации систем контроля безопасности технологии ИИ.

Российский законодатель пошел по пути стратегического обеспечения сферы ИИ, в результате чего был принят пакет подзаконных актов¹⁰ как попытка компенсировать отсутствие комплексного регулирования на уровне федерального закона¹¹.

³ European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/> (дата обращения: 13.04.2021).

⁴ См., например: Национальная стратегия развития искусственного интеллекта во Франции. URL: <https://www.aiforhumanity.fr/en/>; Общеканадская стратегия искусственного интеллекта. URL: https://ethics.cdto.ranepa.ru/3_8#link195; Национальная стратегия по искусственному интеллекту в Дании. URL: https://ethics.cdto.ranepa.ru/3_8#link197

⁵ См. подробнее: Минбалеев А.В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 4. С. 82–87.

⁶ См.: Восьмой закон о внесении изменений в Закон о дорожном движении от 16 июня 2017 г. (неофициальный перевод Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта (Робоправо). URL: http://robopravo.ru/initiativy_frantsii_v_sfierie_robototiekhniki_2013_2 (дата обращения: 13.04.2021).

⁷ См.: Закон о внесении изменений в Закон о дорожном движении Дании (Разрешение на установление правил и авторизацию испытаний для беспилотных автомобилей). URL: http://www.ft.dk/ripdf/samling/20161/lovforslag/1120/20161_1120_som_fremsat.pdf (дата обращения: 13.04.2021).

⁸ См.: Закон Эстонии о внесении изменений в Закон о дорожном движении. URL: https://robopravo.ru/ESTONSKII_ZAKON_O_ROBOTAKHNKURIERAKH (дата обращения: 14.04.2021).

⁹ План развития искусственного интеллекта нового поколения: принят Государственным советом КНР от 8 июля 2017 г. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 14.04.2021).

¹⁰ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

¹¹ Как исключение можно рассматривать Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» (далее — ФЗ № 123) // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701. Данный федеральный закон устанавливает с 1 июля 2020 г. на пять лет

Исходя из российской практики¹², термин «технологии ИИ» является универсальным, применяемым к ряду различных технологий, в том числе таким, как компьютерное зрение, обработка естественного языка и синтез речи. Однако существующее определение технологий ИИ через перечисление функционала, на наш взгляд, не является перспективным, так как активное внедрение новых цифровых технологий, функциональные возможности которых не охвачены указанным перечнем, вызывает значительные трудности для правопонимания. Необходимо закрепление нормативного определения термина «технологии ИИ», отражающего сущность данного объекта правового регулирования, что также объясняется необходимостью правовой определенности в вопросе юридической ответственности за вред и ущерб, причиненные в результате функционирования технологий ИИ.

Так, например, в Китае внедрена система социального скоринга, частью которой выступает платформа технологии «распознавания лиц». За правомерное поведение начисляют баллы, за нарушение правил, например, нарушение правил дорожного движения, — снимают. При этом недостаточное количество баллов ведет к ряду ограничений, например, могут не продать билеты на поезд или самолет или же запретить заниматься определенной деятельностью¹³. Здесь очевиден вопрос: кто будет отвечать, если умная машина ошибется и граждане ограничат в правах на основе технологической ошибки?

Примером является и трагедия, произошедшая в начале 2018 г., когда беспилот-

ный автомобиль Uber в американском штате Аризона сбил женщину, переходившую дорогу в неполюженном месте¹⁴. Самолеты Boeing-737 MAX, которые, получив неверные вводные об обтекании крыла потоком воздуха, автоматически опускают нос вниз. В результате чего в октябре 2018 года Boeing-737 MAX-8 индонезийской авиакомпании Lion Air потерпел крушение над морем у западного побережья острова Ява. Все 189 человек, находившиеся на борту, погибли¹⁵. Есть и другие примеры.

Кто же будет отвечать за причиненный вред: разработчик, производитель или владелец/пользователь? А если искусственный интеллект, обладающий способностью к самообучению, принял неверное решение, повлекшее ущерб или общественную опасность? Единого ответа на этот вопрос ни в отечественной, ни в зарубежной практике на сегодняшний момент не существует.

Распространенным является мнение о привлечении к ответственности за вред, причиненный в результате деятельности технологии ИИ, его владельца, нарушившего правила эксплуатации, или разработчика, допустившего ошибки при программировании¹⁶. Вместе с тем отмечается, что программист лишь закладывает алгоритмы (правила поведения), определяемые экспертом в соответствующей области. И именно этот эксперт (специалист) должен нести ответственность за возникшие на основе «ошибок» технологии ИИ деликты¹⁷.

Однако в случае самообучаемой технологии ИИ на принятие решения влияют не только программные установки, но и множество внешних факторов. И здесь, по мнению П.М. Морхата, нецелесообразно возложе-

экспериментальный правовой режим в городе Москве. Введение экспериментального режима позволяет создать наиболее благоприятные условия для разработки и внедрения искусственного интеллекта путем неприменения в отношении субъектов такого режима отдельных норм законодательства.

¹² См.: п. «а» ч. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.

¹³ См.: Чем опасно внедрение технологий с искусственным интеллектом, 2 февраля 2020 г. URL: <https://rg.ru/2020/01/28/reg-urfo/chem-opasno-vnedrenie-tehnologij-s-iskusstvennym-intellektom.html> (дата обращения: 15.04.2021).

¹⁴ См.: там же.

¹⁵ См.: там же.

¹⁶ См.: Leenes R. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design / R. Leenes, F. Lucivero. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2546759 (дата обращения: 15.04.2021).

¹⁷ См.: <https://rg.ru/2020/01/28/reg-urfo/chem-opasno-vnedrenie-tehnologij-s-iskusstvennym-intellektom.html> (дата обращения: 15.04.2021).

ние ответственности за негативные последствия функционирования ИИ на его разработчиков, так как деятельность ИИ зависит не только от возлагаемых задач, но и от обстановки его применения¹⁸.

Существует и такая позиция, что ответственность должна нести сама технология ИИ: если технология ИИ приносит доход, то этим доходом можно возмещать реальный ущерб¹⁹. Однако применение данного подхода довольно ограничено. Так, например, робот-полицейский Стэндфордского торгового центра с функциями мониторинга состояния общественной безопасности, сбивший с ног полуторогодовалого ребенка, а после этого проехавшийся по нему сверху²⁰, не приносит прямой доход, позволяющий компенсировать ошибки за функционал.

Вопрос признания технологии ИИ субъектом права с возможностью перекладывания на робота юридической ответственности активно обсуждается в современном мире. Так, например, в 2017 г. Саудовская Аравия предоставила гражданство роботу Софии, которая обладает повышенными навыками распознавания и синтезирования речи, способна анализировать ситуацию и вести диалог, а также умеет выражать свыше 60 эмоций и активно использует этот навык во время беседы²¹.

В ЕС еще в 2016 г. было выдвинуто предложение о наделении автономных роботов правосубъектностью путем присвоения им

статуса «электронных лиц». Предполагалось, что за каждое такое лицо его владелец должен будет платить страховые взносы и что за каждым интеллектуальным автономным роботом должны быть закреплены средства, которые будут расходоваться на покрытие его правовых обязательств, в том числе на возмещение причиненного им ущерба²².

Однако ряд исследователей считают нецелесообразным наделение искусственного интеллекта правосубъектностью. Так, например, в обоснование такой точки зрения предлагается наравне с искусственным интеллектом наделить правосубъектностью и отдельных животных, обладающих сознанием и способных иметь чувства, в отличие от робота²³.

Мы придерживаемся точки зрения, что технология ИИ — это программа для ЭВМ или система таких программ (информационная система), предназначенная для имитирования интеллектуальной деятельности человека²⁴, а следовательно, не субъект, а объект права.

Аргументом здесь выступает не только отсутствие у робота жизни в биологическом смысле, но и отсутствие у робота внутреннего психического отношения к своим действиям и наступившим в результате таких действий последствиям — вины за содеянное, которая является важной составляющей субъективной стороны проступка. Общая формула теории права в представлении о вине гласит: «без вины нет ответственности».

Таким образом, технология ИИ — это объект права, и наделение робота правосубъектностью, в том числе деликтоспособностью, считаем нецелесообразным

¹⁸ Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: монография. М.: Буки Веди, 2017. С. 257.

¹⁹ В том числе такого мнения придерживается Роман Душкин, директор по науке и технологиям Агентства искусственного интеллекта. См. подробнее: <https://rg.ru/2020/01/28/reg-urfo/chem-opasno-vnedrenie-tehnologij-s-iskusstvennym-intellektom.html> (дата обращения: 15.04.2021).

²⁰ См.: Робот-полицейский сбил ребенка, дверной звонок не пустил человека в дом: к чему приводят неисправности «умной» техники, 14.05.2019. URL: <https://vc.ru/tech/66633-robot-policeyskiy-sbil-rebenka-dvernoy-zvonok-ne-pustil-cheloveka-v-dom-k-chemu-privodyat-neispravnosti-umnoy-tehniki> (дата обращения: 15.04.2021).

²¹ См.: Робот София — самый совершенный гуманоид с искусственным интеллектом, 11.12.2017. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a20825dad0f22233a285e05/robot-sofiia-samiy-sovershennyi-gumanoid-s-iskusstvennym-intellektom-5a2e795be86a9e5101d5bdda> (дата обращения: 16.04.2021).

²² См.: ЕС предложили наделить роботов статусом «электронных лиц», 22.06.2016. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/06/2016/576a725e9a7947a5f464296b (дата обращения: 16.04.2021).

²³ См.: Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics: Study. European Union, 2016. P. 15.

²⁴ Холодная Е.В. О перспективных направлениях правового регулирования в сфере технологии искусственного интеллекта // Вестник МГОА. 2019. № 12 (64). С. 89.

из-за отсутствия признаков субъекта права. На наш взгляд, технология ИИ и робототехника могут признаваться источниками повышенной опасности (ИПО), и на этой основе может быть модернизировано действующее федеральное законодательство применительно к ИИ.

Существующие подходы к толкованию ИПО²⁵ получили свое отражение в судебной практике, которая рассматривает ИПО, во-первых, как вид деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих, во-вторых, как определенные предметы материального мира, создающие такую опасность²⁶.

Таким образом, существует полярность мнений относительно лица, ответственного за правонарушения при применении технологии ИИ. Однако это позволяет выделить наиболее важные проблемы правового регулирования ИИ:

1. Во-первых, речь идет об определении правового положения технологии ИИ. Необходимо однозначно и точно ответить на вопрос о том, чем или кем является робот: субъектом или объектом правового регулирования?

2. Во-вторых, нужно определить пределы ответственности разработчика, производителя и владельца технологии ИИ за принятые роботом решения и совершенные действия.

3. В-третьих, требуется определить способы возмещения вреда, причиненного действиями искусственного интеллекта, в том числе путем реформирования страхового законодательства.

Данные проблемы нашли свое отражение и в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искус-

ственного интеллекта и робототехники до 2024 г. (далее — Концепция), выделяющей в качестве наиболее значимого вопроса необходимость проработки механизмов гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности при причинении вреда в результате совершения неправомерных действий искусственным интеллектом, имеющим высокую степень автономности²⁷.

Другим направлением регулирования сферы технологий ИИ является направление этических разработок. Понятная, строгая и эффективная система этических принципов является необходимым условием развития, разработки, производства, использования и модификации роботов и ИИ. Так, например, в Европейском союзе, являющемся одним из лидеров по применению технологий искусственного интеллекта, в 2019 г. были разработаны семь требований, которым должен соответствовать искусственный интеллект²⁸.

Во-первых, системы ИИ должны расширять возможности людей и не могут ограничивать право человека самостоятельно принимать решения. Вместе с тем подчеркивается необходимость обеспечения контроля над искусственным интеллектом со стороны человека. То есть речь идет об ограничении автономности ИИ.

Во-вторых, необходима техническая надежность и безопасность, что означает стабильность функционирования искусственного интеллекта в случае возникновения сбоя в системе.

В-третьих, люди должны иметь законный доступ и контроль над собственными данными, которые предоставлены искусственному интеллекту.

Четвертое требование связано с прозрачностью деятельности ИИ, которое имеет два

²⁵ См. подробнее: Луговская Ю.А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности: ВКР бакалавра. Томск, 2017. С. 8–14.

²⁶ Пункты 18–19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

²⁷ Пункт 2 ч. 2 Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года.

²⁸ См.: Ethics Guidelines for Trustworthy Artificial Intelligence of 8 April 2019. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 17.04.2021).

аспекта: человек, во-первых, должен знать, что он взаимодействует с искусственным интеллектом, и быть осведомленным о его возможностях; во-вторых, иметь возможность отслеживать работу всех систем искусственного интеллекта.

Пятое требование состоит из трех элементов: недискриминация, справедливость и разнообразие, согласно которым необходимо избегать несправедливости и предвзятости, а также системы искусственного интеллекта должны быть доступны для всех.

Социальное и экологическое благополучие является шестым требованием. Искусственный интеллект не должен вредить людям, поэтому его воздействие на окружающую среду и общество необходимо контролировать.

Последним требованием является подотчетность, согласно которому следует создать механизмы обеспечения ответственности и подотчетности за системы искусственного интеллекта и их результаты.

В продолжение данных требований Европейская комиссия 14 апреля 2021 г. предложила запретить технологии ИИ, используемые для массового наблюдения, в том числе речь идет о мониторинге физических лиц в цифровой и физической среде. Также рекомендован запрет на использование нарушающих ценности Евросоюза и права человека приложений ИИ, и в первую очередь речь идет о системах ИИ, способных манипулировать поведением человека. Иными словами, ЕС идет по пути ужесточения правового регулирования сферы ИИ и роста контроля со стороны государства за деятельностью в данной сфере.

Вместе с тем планируется создание Европейского совета по искусственному интеллекту. В его состав войдут 27 представителей стран ЕС (по одному от каждой), представитель Европейской комиссии, а также Европейский надзорный орган по защите данных. Совет будет уполномочен выпускать рекомендации и заключения в отношении списка запрещенных технологий искусственно-

го интеллекта, а также списка систем искусственного интеллекта с высоким риском²⁹.

Подобное регулирование искусственного интеллекта может быть использовано как положительный опыт не только для отдельных стран, но и мирового сообщества. В связи с чем возрастает актуальность принятия единых международных стандартов развития и функционирования искусственного интеллекта, установления общих принципов и требований, предъявляемых к созданию ИИ, которые получили бы дальнейшее развитие в рамках национального законодательства. Важность создания международных норм в сфере регулирования искусственного интеллекта обуславливается отсутствием единого подхода к определению юридической ответственности за действия ИИ, допустимого уровня автономности искусственного интеллекта и сфер его применения, и, самое главное, отсутствием единого образного понимания сущности искусственного интеллекта.

На сегодняшний момент специалисты выделяют три модели регулирования технологий искусственного интеллекта:

- 1) модель «стратегическое планирование»;
- 2) модель «нормы непосредственного действия»;
- 3) «смешанная модель».

В первой модели основную роль в правовом регулировании играют документы стратегического планирования. Нормы непосредственного действия существуют, но их значение и применение минимально. Классическим примером являются Франция и Китай.

Во второй модели большее значение имеют нормы непосредственного действия, которые, как правило, направлены на регулирование конкретных технологий искусственного интеллекта. При этом документы стратегического планирования могут существовать, но играть незначительную роль

²⁹ См.: ЕС решил запретить использование ИИ-технологий распознавания лиц и аналогов, 15.04.2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3243823.html> (дата обращения: 17.04.2021).

либо отсутствовать. Наиболее ярким примером является Южная Корея.

Третья модель представляет собой комбинацию первых двух моделей. Причем здесь возможны два подхода к правовому регулированию создания и использования технологий искусственного интеллекта: точечный (например, США) и комплексный (например, ЕС)³⁰.

Такое разнообразие и разрозненность в методах правового регулирования приводит к тому, что ряд отношений в сфере технологий искусственного интеллекта остаются неурегулированными. В результате чего возрастает актуальность не только разработки и внедрения международных норм, но и комплексной национальной законодательной базы.

В вопросе комплексного регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта довольно практичной представляется предложенная А.В. Незнамовым и В.Б. Наумовым стратегия регулирования робототехники и искусственного интеллекта³¹, состоящая из пяти уровней: четыре уровня внутригосударственного регулирования и наднациональное регулирование.

Первый уровень составляет государственная программа (концепция) развития технологий робототехники и искусственного интеллекта, которая представляет собой базовый документ, определяющий все ключевые направления. Как уже было указано ранее, подобные Концепции существуют во многих странах.

Второй уровень составляют основы законодательства о киберфизических системах, основная задача которых состоит в том, чтобы обозначить общее направление правовой регламентации киберфизических систем. В них могут быть отражены следующие моменты:

- 1) предметная терминология;
- 2) предмет и общие принципы регулирования;
- 3) состав субъектов, их права и обязанности, механизмы ответственности;
- 4) система классификации киберфизических систем;
- 5) механизмы и порядок правовой регламентации отдельных киберфизических систем, а также вопросы стандартизации;
- 6) создание регуляторных песочниц.

Третий уровень включает пакетные адресные изменения федеральных законов в конкретных отраслях, в которых внедряются или планируется внедрение киберфизических систем.

Четвертый уровень заключается в пакетных адресных изменениях подзаконных актов в результате внесения соответствующих изменений в законодательные акты.

Последний уровень составляют международные нормы. В них, на наш взгляд, должны быть закреплены основные термины; субъекты, объекты, а также общие принципы регулирования отношений в сфере технологий ИИ; основные проблемы обеспечения безопасности и механизмы ответственности; требования, предъявляемые к разработке и эксплуатации искусственного интеллекта; сферы деятельности, в которых применение технологий искусственного интеллекта не допускается.

Таким образом, стремительное развитие и внедрение ИИ ставит все новые задачи. Исследования, разработки и использование технологии ИИ должны осуществляться с приоритетом основных прав человека и только в интересах благосостояния и самоопределения как отдельно взятого человека, так и общества в целом. Права на уважение человеческого достоинства и самостоятельность (как физическую, так и психологическую) должны неукоснительно соблюдаться.

Необходимость обеспечения надлежащей защиты прав и свобод человека возрастает в связи с увеличением автономности технологий искусственного интеллекта и

³⁰ Модели правового регулирования создания, использования и распространения роботов и систем с искусственным интеллектом : монография / под общ. ред. В.Б. Наумова. СПб. : НП-Принт, 2019. С. 86–163.

³¹ См.: Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем. URL: <https://urfac.ru/?p=63#2> (дата обращения: 17.04.2021).

наличием правовой неопределенности в ряде вопросов. В частности, отсутствуют международные нормы, регулирующие отношения в сфере искусственного интеллекта и распространяющие свое действие на большинство стран. Отсутствие единой, общепризнанной терминологии, единых методов правового регулирования и требований, предъявляемых к разработке и использованию искусственного интеллекта, а также существующее разнообразие мнений относительно допустимого уровня автономности искусственного интеллекта в различных сферах, наделяющая его правосубъектностью, уровня ответственности его разработчика и владельца за принятые им решения и совершенные действия существенно усложняют понимание сущности искусственного интеллекта и разработку норм, регулирующих от-

ношения в сфере искусственного интеллекта в рамках национального законодательства.

Совершенствование законодательства в данной сфере должно носить комплексный характер и осуществляться поэтапно с учетом лучших мировых практик. Необходима детальная проработка всех аспектов, связанных с правовым регулированием сферы ИИ, в том числе содержания компонентов не только общего, но и специального правовых режимов технологии ИИ, что требует, на наш взгляд, немедленной реакции федерального законодателя. За развитием искусственного интеллекта стоит не только будущее России, но и будущее всего мира; тот, кто займет лидерские позиции в этой сфере, получит и глобальное лидерство³².

³² Путин: Лидер в сфере искусственного интеллекта станет властелином мира. URL: <https://ria.ru/20170901/1501566046.html> (дата обращения: 18.04.2021).

Литература

1. Киберов В. ЕС решил запретить использование ИИ-технологий распознавания лиц и аналогов / В. Киберов // REGNUM. 2021. 15 апреля.
2. Луговская Ю.А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности: ВКР бакалавра / Ю.А. Луговская. Томск, 2017. 70 с.
3. Мационг Е. Чем опасно внедрение технологий с искусственным интеллектом / Е. Мационг // Российская газета. 2020. 2 февраля.
4. Минбалеев А.В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта / А.В. Минбалеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 4. С. 82–87.
5. Модели правового регулирования создания, использования и распространения роботов и систем с искусственным интеллектом : монография / под общей редакцией В.Б. Наумова. Санкт-Петербург : НП-Принт, 2019. 252 с.
6. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : монография / П.М. Морхат. Москва : Буки Веди, 2017. 257 с.
7. Незнамов А.В. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем / А.В. Незнамов, В.Б. Наумов // Закон. 2018. № 2. С. 69–89.
8. Такмазьян О. Робот-полицейский сбил ребенка, дверной звонок не пустил человека в дом: к чему приводят неисправности «умной» техники / О. Такмазьян // VC.ru. 2019. 14 мая.
9. Холодная Е.В. О перспективных направлениях правового регулирования в сфере технологии искусственного интеллекта / Е.В. Холодная // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 89–96.

References

1. Leenes, R. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design / R. Leenes, F. Lucivero // Law, Innovation and Technology. 2014. Vol. 6. Iss. 2. P. 194–222.
2. Nevejans, N. European Civil Law Rules in Robotics : Study for JURI Committee / N. Nevejans. Brussels : European Parliament, 2016.

МЕСТО, ГДЕ ИСКУССТВО соприкасается с криминалистикой

ГУБАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА,

студентка 1 курса магистратуры
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (МГУ)
tatagubanova@icloud.com

Искусство — это огромный идеальный мир, в котором существуют миллиарды осязаемых и неосязаемых произведений. Но даже идеалы могут подвергнуться негативному влиянию. Так, произведения искусства становятся «лакомым кусочком» для преступного мира. Рынок торговли краденными предметами искусства на сегодняшний день находится на третьем месте по распространенности, уступая лишь обороту наркотиков и оружия. Для нашей страны данная проблема является как никогда актуальной, например, по данным Всемирной таможенной организации, более половины выявленных в мире случаев контрабанды культурных ценностей были совершены в России (133 из 227)¹.

Какие особенности так называемых «арт-преступлений» можно выделить? Как криминалистические знания и практика их применения могут быть использованы в области искусства? И стоит ли выделять преступления в сфере искусства в

качестве отдельной категории преступлений? На эти вопросы нам и предстоит ответить.

На данный момент существует достаточный правовой базис, который помогает координировать отдельным странам свою деятельность в рамках расследования посягательств в сфере искусства. Его содержание составляют такие международные акты, как: Всемирная Декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., Европейская конвенция об охране археологического наследия 1969 г., Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г., Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., Конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 г. и др.

Но преступления в сфере искусства все еще остаются новым и мало исследованным направлением в криминалистическом изучении преступлений, в связи с этим

¹ URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/8598/> (дата обращения: 14.02.2021).

существует *несколько фундаментальных проблем*, в числе которых:

— нет законодательного закрепления данного понятия (а также понятия «искусство»);

— в Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ) нет специальной главы, посвященной ответственности за преступные посягательства в сфере искусства;

— не сложился четкий перечень преступлений, которые бы были отнесены к данной категории деяний.

Понятие «преступление в сфере искусства»

Несмотря на то, что существует много точек зрения относительно определения понятия «преступления в сфере искусства», большинство ученых лишь перечисляют круг деяний, которые входят в их перечень². Давайте же попробуем самостоятельно разобраться. По нашему мнению, под *преступлениями в сфере искусства* стоит понимать виновно совершенные общественно опасные уголовно наказуемые деяния, которые посягают на право человека на культуру и предметом которых выступают произведения искусства. «Арт-преступления» связаны с предметами и произведениями искусства и могут выступать в форме хищения, уничтожения, повреждения, вандализма, подлога, незаконных раскопок, оборота, ввоза и вывоза и пр. (отдельно или в сочетании таких действий и при соблюдении определенных условий).

Представляется, что к преступлениям в сфере искусства, связанным с защитой права человека на культуру, с позиций криминалистической науки можно отнести: мошенничество (ст. 159 УК РФ); хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ); невозвращение на тер-

риторию Российской Федерации культурных ценностей (ст. 190 УК РФ); вандализм (ст. 214 УК РФ); контрабанда культурных ценностей (ст. 226.1 УК РФ); уничтожение или повреждение памятников истории культуры (ст. 243 УК РФ).

Особенности «арт-преступлений» как новой категории

Данную категорию преступлений позволяют выделить их ключевые особенности, о которых мы и поговорим ниже. Во-первых, преступления в сфере искусства имеют отличный от других предмет преступного посягательства, в качестве которого выступают произведения искусства. При этом в законодательстве, правоприменительной практике и доктрине нет единства как в их сущностном понимании, видах, так и используемой терминологии.

Произведения искусства предлагается определять как предметы материального мира, изготовленные или переработанные человеком в соответствии с определенным замыслом с целью воздействия на личность воспринимающего их субъекта, о которых предполагается, что они являются произведением искусства или, по крайней мере, обладают определенной художественной, культурной или исторической ценностью³. Классификация произведений возможна по различным критериям, в том числе по времени изготовления, использованным материалам, направлениям искусства, их видам и др. Среди многочисленных дискуссионных вопросов часто возникают споры относительно произведений современного искусства, относящихся к периоду постмодернизма. Многие из них сами по себе вызывают дискуссии и официально не признаются произведениями искусства, хотя имеют большую рыночную стоимость

² Например, это рассматривается в работе М.П. Клейменова, О.М. Мартышевой «Искусство как объект преступных посягательств» // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2011. № 2.

³ Пискунова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства: судебно-искусствоведческая экспертиза : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 36.

и популярность. Отчасти мы касаемся длительной дискуссии о юридическом понимании понятий «искусство», «художественное творчество», что нужно объективно отличать от административных правонарушений, преступлений⁴. Именно такой современный аспект темы требует дополнительных исследований и обсуждений.

Важно, что многие произведения искусства находятся не только под охраной отдельного государства, но и мирового сообщества. В результате чего были созданы специальные реестры, с помощью которых можно определить принадлежность определенного произведения к категории «предметы и памятники искусства», например:

- Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации⁵;

- Реестр пропавших, утраченных, похищенных культурных ценностей (будет рассмотрен автором далее);

- Реестр результатов интеллектуальной деятельности Московского государственного строительного университета (МГСУ)⁶;

- Международный реестр культурных ценностей, находящихся под специальной защитой (который ведется на основании Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.).

В результате проведенного анализа норм действующего уголовного законодательства к охраняемым государством произведе-

дениям (предметам) искусства можно отнести: 1) предметы, имеющие особую культурную ценность; 2) культурные ценности; 3) объекты культурного наследия; 4) природные комплексы; 5) объекты, взятые под охрану государства, в том числе: историко-культурные заповедники, музеи-заповедники; 6) объекты археологического наследия; 7) археологические предметы; 8) культурный слой.

Следующую особенность составляет характеристика личности преступника, которая также является неотъемлемой частью при выделении данных преступлений и при разработке методики расследования преступлений. Так, в настоящее время нет специального статистического или криминалистического учета в отношении преступлений в сфере искусства, которые позволили бы дать типичные свойства личности преступника, его демографические и социальные признаки. Однако, исходя из анализа данной категории преступлений, можно заметить, что данные посягательства совершаются лицами среднего возраста, которые имеют знания в определенной области искусства, науки или истории. Большинство из преступников имеют низкий или средний статус в обществе, а мотивами совершения преступления обычно выступают корыстные побуждения, желание достичь более высокого положения в обществе. Отклонений в психике у подобного рода лиц не наблюдается, как и каких-либо психологических травм, за редким исключением случаев вандализма.

Мы можем выделить несколько типов субъектов на основании свойств их личностей. Первым субъектом преступления может выступать *человек, который непосредственно создает подделки*. Им является профессиональный художник или любитель, обладающий достаточными навыками в художественном, ремесленном, ювелир-

⁴ Бондаренко Л.К. Уточнение понятия «творчество» в контексте предмета судебно-искусствоведческой экспертизы // Lexrussica. 2017. № 11. С. 166–175.

⁵ См. сайт Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ: <https://okn-mk.mkrf.ru/maps>. К примеру, согласно данному Реестру, в Москве размещено 126 памятников искусства, среди которых памятник И.М. Сеченову (рег. номер 771411200870006 и дается подробное описание, расположение, категория и пр. См.: <https://okn-mk.mkrf.ru/cultureObjects/viewMaps/329939>), памятник Н.И. Пирогову (рег. номер 771410662950006) и др.

⁶ См. подробнее: <https://mgsu.ru/science/Intellekt-sob/Reestrez/> (дата обращения: 07.05.2021).

ном или ином мастерстве. Можно вспомнить таких мастеров подделок как Хан ван Мегерен, Шон Гринхальг, Жан-Пьер Шекрун, Том Китинг и многих других.

Еще один тип — это *тот, кто пытается сбыть* вещь с целью повышения стоимости, выдавая ее не за то, чем она является. Такое лицо должно обладать специальными умениями и знаниями в области искусства и истории, чтобы цель фальсификации данных о произведении был достигнута. Также субъект должен обладать коммуникативными навыками и навыками убеждения, которые помогут ему убедить жертву в подлинности приобретаемого предмета. Например, в «деле антикваров» в 2004 г. супруги Преображенские продали несколько поддельных полотен художника А. Киселева, воспользовавшись тем, что общественности известна лишь одна его картина.

Следующий — *лицо, осознающее, что предмет представляет собой подделку, но все равно продающее его как оригинал*. Так, преступники часто подделывают историю происхождения произведения искусства — «провенанс». Они стараются изучить биографию и творчество художника. Ко второму и третьему виду фальсификаторов можно отнести продавцов: владельцев предмета, арт-дилеров (посредников), аукционные дома. Такими мошенниками были Отто Вокер, немецкий арт-дилер, выдававший картины своего брата за полотна Ван Гога; Глафира Розалес, продававшая живопись современного китайского художника под видом произведений де Кунинга, Полока, Ротко и пр.

Также в качестве соучастников преступления могут выступать *эксперты-искусствоведы* (к примеру, Ивонна Вейхерте в деле с поддельной картиной К. Гуна «Цыганка с ребенком»). Однако подделка может быть совершена и в силу того, что автор копируемого произведения искусства

является малоизвестным, или же в силу того, что, несмотря на трудоемкость процесса создания копии, подделанное произведение весьма схоже с характеристиками оригинала.

Другая особенность «арт-преступлений» заключается в процессе расследования и раскрытия преступлений. Так, этап проведения первоначальных следственных действий включает в себя определенные следственные действия. Наиболее распространенными при расследовании преступлений в сфере искусства являются: осмотр места происшествия, предметов искусства и следов, оставленных на них, обыск и выемка в целях обнаружения, фиксации и изъятия следов и предметов, которые относятся к расследуемому событию, с запечатлением данных действий с использованием записи видео. На этом этапе проводится немедленное занесение произведения искусства, на которое совершено посягательство, в специальные национальные и международные реестры, взаимодействие следственных и оперативно-розыскных подразделений, в том числе с ФТС.

Главной целью первоначального этапа при расследовании является эффективное и оперативное раскрытие преступления «по горячим следам». Это может быть продемонстрировано в деле о похищении картины А. Куинджи «Ай-Петри», преступник был найден в течение суток после совершения деяния⁷.

Поскольку для следователя может быть затруднительной оценка предметов искусства, то возникает необходимость привлечения к участию в следственных действиях определенных специалистов и применение специальных знаний. Ими могут выступать реставраторы произведений живописи, скульптуры, памятников, архитектур-

⁷ URL: <https://tass.ru/krazha-kartiny-kuindzhi-iz-tretyakovskoy-galerei> (дата обращения: 21.03.2021).

ных сооружений; искусствоведы, историки, регионоведы и др.

Особое внимание должно уделяться результатам судебной искусствоведческой экспертизы, при проведении которой предмет исследуется стилистически, технико-технологически, рентгенографически, био-библиографически. При расследовании преступлений в сфере искусства используются физические и химические знания для технико-технологического исследования произведений искусства: «биохимического состава красок, изучения произведения искусства в рентгеновских, ультрафиолетовых и инфракрасных лучах, в косом свете, в люминесцентном свечении, что имеет огромное значение для уточнения атрибуции, т.е. определения места, времени и имени создателя произведения, а в случае необходимости — и для реставрации произведения»⁸. Л.К. Бондаренко, как и другие ученые, отмечает, что эксперту необходимо указать как минимум три разные цены, которые приняты в международной практике, поскольку каждый предмет изобразительного искусства обладает, условно, тремя видами стоимости: основной, рыночной и ликвидной. Кроме того, в исследовании отмечается значение судебной почерковедческой и автороведческой экспертизы, например, в отношении документов, сопровождающих историю и подлинность произведения искусства⁹. Так, в 2002 г. в деле супругов Певзнер, которое касалось факта похищения картины Карла Брюллова «Христос во гробе», для определения подлинности картины были привлечены эксперты Государственного Русского музея¹⁰.

⁸ Ильина Т.В. Введение в искусствоведение: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2019. С. 8–9.

⁹ Бондаренко Л.К. Основные тенденции в российском современном искусстве на рубеже веков (1991–2011 гг.). Краснодар, 2012.

¹⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2019 г. № 33-УДп19-9 // СПС «КонсультантПлюс».

Важно обратить внимание на организационно-правовые и криминалистические аспекты сотрудничества правоохранительных органов России по противодействию преступлениям в сфере искусства, которое проводится при взаимодействии с Интерполом, подразделениями ФТС и другими. Международное сотрудничество в области противодействия и предупреждения преступности составляет особую часть международных отношений на современном этапе. Правоохранительные органы РФ и заинтересованные министерства и ведомства являются основными субъектами выполнения обязательств нашей страны по основным направлениям данного сотрудничества. На данный момент борьба с «арт-преступлениями» ведется по двум основным направлениям: заключение специальных соглашений и сотрудничество в рамках специализированных международных организаций¹¹. Также Интерпол занимается ведением специальной базы, которая содержит информацию о похищенных произведениях искусства, сообщенную данной организации. Эти данные рассылаются по всем национальным территориальным бюро организации, которые находятся в 194 странах-участницах, а также в ЮНЕСКО и Международный Совет Музеев. Например, в 2006 г. во время пропажи 221 экспоната из Государственного музея Эрмитаж в Санкт-Петербурге список похищенных произведений искусства был передан в Главный информационный центр МВД России и Интерпол. Из-за этого продажа краденых культурных ценностей на легальных аукционах делается невозможной.

Думается, что еще одной особенностью в скором времени может стать сотрудничество со страховыми организациями.

¹¹ Демянчук Е.В. Оперативно-розыскное обеспечение безопасности культурных ценностей: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 110–111.

Оно может способствовать оперативному получению более точных и полных сведений о предмете посягательства. При заключении договора страхования страховая компания получает всю необходимую информацию о произведении искусства (истории, подлинности, владельце, цене), исходя из чего определяет страховую сумму и нередко проводит собственное расследование произошедшего. Такое сотрудничество позволит уменьшить временные и организационно-управленческие затраты на сбор, анализ обстановки совершения преступления и самого предмета преступления.

Считаем, что расследование преступлений в сфере искусства — сложный процесс, обусловленный как спецификой самой преступной деятельности, лиц, их совершающих, так и трудностями в раскрытии и расследовании, в том числе проведении экспертных исследований в отношении произведений искусства. Исходя из вышесказанного, мы можем прийти *к следующим выводам:*

1. Особенности «арт-преступлений» помогают выделить данную категорию пре-

ступлений и отличать их от других посягательств, а также создать частную методику их расследования и раскрытия. К основным особенностям относятся: предмет посягательства, криминалистическая характеристика субъекта преступления, использование реестра пропавших ценностей, применение специальных знаний, в том числе проведение судебной искусствоведческой экспертизы, сотрудничество органов на национальном и международном уровне.

2. Криминалистика при расследовании преступлений в сфере искусства представляет частно-научные методы на основе практики правоохранительных органов, а также научных разработок.

3. По нашему мнению, выделение преступлений в сфере искусства должно осуществляться только на научном уровне для разработки комплексной методики расследования данных посягательств. Но на сегодняшний день современная картина человеческих потребностей и ценностей не вызывает необходимости внесения изменений в нынешнюю структуру УК РФ и выделения в нем отдельной главы.

Литература

1. Бондаренко Л.К. Основные тенденции в российском современном искусстве на рубеже веков (1991–2011 гг.) : монография / Л.К. Бондаренко. Краснодар : Издательский Дом «Юг», 2012. 172 с.
2. Бондаренко Л.К. Уточнение понятия «творчество» в контексте предмета судебно-искусствоведческой экспертизы / Л.К. Бондаренко // Lex russica (Русский закон). 2017. № 11 (132). С. 166–175.
3. Демянчук Е.В. Оперативно-розыскное обеспечение безопасности культурных ценностей : диссертация кандидата юридических наук / Е.В. Демянчук. Москва, 2003. 152 с.
4. Ильина Т.В. Введение в искусствоведение : учебник для вузов // Т.В. Ильина. Москва : Юрайт, 2019.
5. Клейменов М.П. Искусство как объект преступных посягательств / М.П. Клейменов, О.М. Мартышева // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 2 (27). С. 139–147.
6. Лунина А. Россия лидирует в контрабанде искусства / Л. Лунина // The Art Newspaper Russia. 2020. 26 ноября.
7. Пискунова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства : судебно-искусствоведческая экспертиза : диссертация кандидата юридических наук / Е.В. Пискунова. Москва, 2013. 217 с.

ЛИЧНОСТЬ КИБЕРПРЕСТУПНИКА: мифы и реальность

НОВОГОНСКАЯ МАРГАРИТА СЕРГЕЕВНА,

выпускница Юридического факультета

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ)
novogonskaya.m@mail.ru

Сейчас одними из самых обсуждаемых преступлений являются киберпреступления. В 2021 г. потенциальный ущерб мировой экономике от данного вида преступлений оценивается в 6 трлн долларов¹.

Бесспорно, непосредственное прикладное значение в деятельности правоохранительных органов имеет комплексное изучение личности преступника, поскольку это позволяет получать сведения, необходимые для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также применения в этих целях наиболее эффективной криминалистической тактики.

Так кто же эти киберпреступники, которые прячутся за компьютером и совершают преступления в виртуальном мире? Какой имидж создало о них общество? Кем они являются на самом деле?

К сожалению, личность киберпреступника мало изучена и суждения о ней осно-

ваны на ненаучных источниках. Так, в середине 90-х в России было проведено исследование, в котором участвовали представители правоохранительных органов. По результатам исследования было установлено, что большинство сотрудников не знакомы или лишь частично знакомы с личностью киберпреступника, при этом источником их знаний служили далеко не научные источники: средства массовой информации, кино².

В обществе сложились стереотипы, побуждающие население обобщать киберпреступления, в том числе и личность самого киберпреступника. Его часто считают мрачным, беззаботным и крайне антисоциальным персонажем с плохими социальными навыками или из неблагополучной семьи. Образ одаренного юноши перед компьютером с большими очками, бледной кожей и плохой стрижкой также является популярным клише³.

¹ Путин оценил ущерб мировой экономике от киберпреступлений. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/11/20/847775-putin-otsenil-uscherb-mirovoi-ekonomike-ot-kiberprestuplenii> (дата обращения: 01.03.2021).

² Вехов В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения, методики расследования. М., 1996. С. 23.

³ Carignan M. L'origine géographique en tant que facteur explicatif de la cyberdélinquance. Université de Montréal Faculté des études supérieures. 2015. P. 24.

Считаем, что одной из основных причин таких стереотипов является отсутствие глубоких исследований личности киберпреступника. СМИ играют важную роль в формировании этих стереотипов, информируя население о наиболее типичных и увлекательных историях, которые могут заинтересовать публику, также важную роль играют документальные и голливудские фильмы с сильной гиперболизацией.

Таким образом, у общественности складывается ошибочное представление о личности киберпреступника, которое на самом деле не основано на конкретных физических, психологических, социально-экономических и демографических особенностях.

К счастью, в последнее время стали появляться исследования по данному вопросу. Поэтому на основании уже проведенных исследований мы постараемся развеять мифы относительно личности киберпреступника.

Проанализируем существующие исследования, посвященные личности киберпреступника.

Начнем со стереотипа, который является реальностью. Киберпреступники — это преимущественно мужчины. Это утверждение подтверждается исследованием профессора Тейлора, где соотношение киберпреступников составляет 99 мужчин на 1 женщину⁴.

Некоторые считают, что подавляющее большинство киберпреступников — подростки. Однако по последним проведенным исследованиям, средний возраст киберпреступника 24–25 лет⁵. При этом стоит

отметить, что возраст становления преступником растет: еще в 1991 г. он составлял 20 лет.

Рассматривая психологические особенности, следует отметить, что верным является утверждение, согласно которому компьютерные преступники манипулятивны, высокомерны и нарциссичны⁶.

Действительно, они считают себя незаурядными людьми. Они утверждают, что обладают более высоким уровнем интеллекта, чем остальной мир, и демонстрируют определенное отношение к превосходству и власти. Они считают себя важными в общественной жизни. Это подтверждается исследованиями Орли Тургеман-Голдшмита, лектора израильского университета, который указывает, что все киберпреступники характеризуют себя как экстраординарные личности, которые являются носителями социальных изменений, не боятся бросить вызов устоявшимся нормам и правилам. Главным выводом исследования является то, что вины за свои преступные действия они, как правило, не ощущают⁷. Это связано с тем, что преступник зачастую напрямую не контактирует с потерпевшим, находясь от него на значительном расстоянии (дома, в интернет-кафе и т.д.), по этой причине он может не ощущать дискомфорта, не чувствовать страх быть пойманным. Это позволяет ему чувствовать себя более уверенно и спокойно. По мнению профессора Джона Сулера, это объясняется «эффектом онлайн дезингибиции»⁸.

водействия им : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 2016. С. 24.

⁴ Taylor P.A. Hackers: Crime in the digital sublime. Psychology press, 1999. P. 198.

⁵ Зибер У., Тропина Т. Всестороннее исследование проблемы киберпреступности. Организация Объединенных Наций, 2013. С. 46 ; Скуратовский А.Ю. Личность киберпреступника. Актуальные вопросы теории и практики развития юридического образования: проблемы, тенденции. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. С. 78 ; Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры проти-

⁶ Варданян А.В. Расследование преступлений в сфере высоких технологий и компьютерной информации. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 170.

⁷ OrlyTurgeman–Goldschmidt. MeaningsthatHackersAssigntotheirBeinga Hacker // Cybercrimejournal. URL: <http://www.cybercrimejournal.com/Orlyijccdec2008.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).

⁸ Suler J. The Psychology of Cyberspace // The Psychology of Cyberspace. URL: <http://users.rider.edu/~suler/psycyber/psycyber.html> (дата обращения: 01.03.2021).

Сущность данного эффекта заключается в том, что в условиях анонимности в киберпространстве люди отделяют свои действия и свою реальную личность, полагая, что можно не брать на себя ответственность за свои действия, совершенные в киберпространстве.

Представляется интересным также рассмотреть мотивацию киберпреступника, чтобы лучше составить его «портрет». Она является начальным звеном в преступлении. Необходимо отметить, что мотивация компьютерных преступников формируется сразу в двух пространствах: реальном и виртуальном. При этом на формирование мотивации влияние оказывают оба пространства. Виртуальное пространство по-другому влияет на мотивацию преступного поведения, так как оно является экстерриториальным и в нем происходит формирование своей собственной культурной среды — киберкультуры.

Ранее наиболее распространенной мотивацией было любопытство, желание попробовать взломать систему ради эксперимента, удовольствие и веселье, потребность в признании со стороны сверстников⁹. Сейчас наиболее распространенной является финансовая выгода. Это представление сложилось в обществе и в целом подтверждается во всех исследованиях¹⁰.

Далее рассмотрим уровень технической компетенции. Существует устоявшийся стереотип, что киберпреступники обладают высокой квалификацией¹¹. Автор ре-

шил поставить под сомнение указанное суждение, поскольку, по его мнению, указанный стереотип сложился в общественном сознании в том числе под влиянием СМИ, которые рассказывают о наиболее серьезных и масштабных компьютерных преступлениях, требующих очень высокого уровня компетенции.

С целью анализа этого утверждения были проанализированы отечественные и зарубежные исследования, посвященные данному вопросу.

В первом исследовании указывается, что большинство преступников обладают низким уровнем навыков (49%), затем идут преступники со средним уровнем навыков (39%). При этом высокий уровень навыков наблюдается только у 4%¹².

Согласно другому исследованию, большинство киберпреступников имеют низкий уровень квалификации (60%), далее идут преступники с высоким уровнем компетентности (23,3%) и меньше всего преступников со средним уровнем (11,1%)¹³.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что киберпреступники с высоким уровнем компетенции составляют абсолютное меньшинство, а средне-статистическим киберпреступником является человек с низким уровнем знаний вопреки устоявшемуся общественному мнению.

С точки зрения профессии и образования, значительную группу киберпреступников составляют нигде не работающие и не имеющие высшего технического образования граждане (30%), далее идут студенты высших учебных заведений (25%), учащиеся ПТУ и школ (16%). Стоит отметить, что процент лиц, обладающих выс-

⁹ Carignan M. L'origine géographique en tant que facteur explicatif de la cyberdélinquance. Université de Montréal Faculté des études supérieures, 2015. P. 28.

¹⁰ Зива С., Захаров Д. Совместный курс лекций ВМК МГУ и компании Group-IB. Прикладные вопросы информационной безопасности. URL: <https://www.group-ib.ru/2021>; Parker D. Fighting computer crime. N.Y., 1998. P. 248.

¹¹ Quels sont les différents types de cybercriminalité? // Panda. URL: <https://www.pandasecurity.com/fr/mediacenter/securite/types-de-cybercriminalite> (дата обращения: 01.03.2021); Parker D. Fighting computer crime. N.Y., 1998. P. 248.

¹² Young, R., Zhang, L, et Prybutok, V.R. Hacking into the minds of hackers // Information systems management. 2007. № 24 (4). P. 281–287.

¹³ Carignan M. L'origine géographique en tant que facteur explicatif de la cyberdélinquance. Université de Montréal Faculté des études supérieures, 2015. P. 100.

шим технических образованием и работающими в сфере программирования, составил всего 17%¹⁴.

Таким образом, представление о том, что преступления в сфере компьютерной информации совершаются в основном высококвалифицированными программистами, не является корректным.

¹⁴ Поляков В.В. Особенности расследования неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 15.

В заключение можно сказать, что в обществе сложилось много мифов о личности киберпреступника, которые не соответствуют реальности. В этой связи необходимо более детально изучать личность киберпреступника и формировать в обществе реальное представление о его личности. Кроме того, детальное исследование личности преступника необходимо в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Литература

1. Варданян А.В. Расследование преступлений в сфере высоких технологий и компьютерной информации / А.В. Варданян, Е.В. Никитина. Москва : Юрлитинформ, 2007. 307 с.
2. Вехов В.Б. Компьютерные преступления : способы совершения, методики расследования / В.Б. Вехов. Москва : Право и закон, 1996. 179 с.
3. Зибер У. Всестороннее исследование проблемы киберпреступности. Проект / У. Зибер, Т. Тропина. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2013. 360 с.
4. Поляков В.В. Особенности расследования неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.В. Поляков. Омск, 2008. 22 с.
5. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.А. Простосердов. Москва, 2016. 28 с.
6. Скуратовский А.Ю. Личность киберпреступника / А.Ю. Скуратовский // Актуальные вопросы теории и практики развития юридического образования: проблемы, тенденции, перспективы : сборник статей и эссе студентов / ответственные редакторы И.Г. Смирнова, Л.А. Тетерина, Е.М. Якимова. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. 186 с.
7. Зива С., Захаров Д. Совместный курс лекций ВМК МГУ и компании Group-IB. Прикладные вопросы информационной безопасности. URL: <https://www.group-ib.ru/2021>.

References

1. Carignan, M. L'origine géographique en tant que facteur explicatif de la cyberdélinquance. M.Sc. En Criminologie / M. Carignan. Université de Montréal Faculté des études supérieures, 2015. 168 p.
2. Parker, D. Fighting computer crime / D. Parker. N.Y. : Wiley, 1998. 512 p.
3. Suler, J. The Psychology of Cyberspace / J. Suler // The Psychology of Cyberspace. URL: <http://users.rider.edu/~suler/psycyber/psycyber.html> (дата обращения: 01.03.2021).
4. Taylor, P.A. Hackers: Crime in the digital sublime / P.A. Taylor. Psychology press, 1999. 198 p.
5. Turgeman-Goldschmidt, O. Meaningsthat Hackers Assigntotheir Beinga Hacker / O. Turgeman-Goldschmidt // International Journal of Cyber Criminology (IJCC). 2008. Vol. 2 (2). P. 382–396.
6. Young, R. Hacking into the minds of hackers / R. Young, L. Zhang, V.R. Prybutok // Information systems management. 2007. Vol. 24. Iss. 4. P. 281–287.

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ СТРУКТУРЫ налоговых правоотношений

ГРИГОРЬЕВ ЕВГЕНИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ*,

студент Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
grigorev420@bk.ru

Налоговое правоотношение — это совокупность общественных отношений, которые регулируются законодательством о налогах и сборах, представляющих властно-имущественный характер. Любые правоотношения имеют определенные элементы, которые составляют структуру правоотношений. Налоговые правоотношения в данном вопросе не являются исключением. Для того, чтобы более детально изучить налоговые правоотношения в целом, несомненно, необходимо изучить их структуру и все ее элементы. В структуре налоговых правоотношений выделяются следующие элементы:

- 1) субъекты налогового правоотношения;
- 2) содержание налогового правоотношения (включает в себя совокупность субъективных прав и юридических обязанностей);
- 3) объекты налогового правоотношения.

Все вышеперечисленные элементы налоговых правоотношений направлены на пополнение бюджетов с целью финансового обеспечения деятельности государства, субъектов РФ и муниципальных образова-

ний. Стоит сказать, что таким образом получается, что данные элементы направлены в том числе и на обеспечение деятельности государственных, и, что важно, налоговых органов. Итак, необходимо рассмотреть, что собой представляют субъект и объект налогового правоотношения.

В теории налогового права нередко встречаются позиции авторов, согласно которым определения понятий «субъект налогового правоотношения» и «субъект налогового права» дается почти тождественное толкование. Несмотря на то, что определения данных понятий являются практически идентичными, стоит их различать. Так, под субъектом налогового права понимается лицо, которое имеет возможность реализации своих субъективных прав и обязанностей (обладает правосубъектностью), но еще не вступило в налоговые правоотношения. А в свою очередь субъект правоотношения — это лицо, которое обладает правосубъектностью и субъективными правами, и юридическими обязанностями, которые возникли после вступления в налоговое право-

* Научный руководитель: Головченко Оксана Николаевна, старший преподаватель Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

отношение¹. Таким образом, можно говорить о том, что субъект налогового права становится субъектом налогового правоотношения после того, как реализует свою правосубъектность.

Стоит отметить, что перечень участников отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах, был установлен ст. 9 НК РФ. Это следующие участники:

1) организации и физические лица, признаваемые в соответствии с НК РФ налогоплательщиками, плательщиками сборов, плательщиками страховых взносов;

2) организации и физические лица, признаваемые в соответствии с НК РФ налоговыми агентами;

3) налоговые органы. К ним относится Федеральная налоговая служба, которая создана и функционирует на основании Положения о Федеральной налоговой службе, а также ее территориальные органы²;

4) таможенные органы. К таможенным органам относится Федеральная таможенная служба, которая создана и функционирует на основании Постановления Правительства «О Федеральной таможенной службе», а также ее территориальные таможенные органы.

Кроме этого, некоторые субъекты налоговых правоотношений не указаны в данной статье. Так, например, в налоговых правоотношениях также принимают определенное участие и другие субъекты права, не указанные в ст. 9 НК РФ. К ним мы можем отнести банки (в соответствии со ст. 86 НК РФ на них возложена обязанность по представлению имеющейся у них информации по запросам налоговых органов), специалистов, переводчиков, экспертов, свидетелей, понятых и т.д. Несмотря на то, что дан-

ные субъекты правоотношений не указаны в перечне участников налоговых правоотношений, установленных в ст. 9 НК РФ, они также могут участвовать в определенных налоговых правоотношениях и в определенных случаях нести ответственность за совершение налогового правонарушения. Данные лица могут принимать участие, например, в процессе установления и взимания налогов, а также при осуществлении налогового контроля за деятельностью налогоплательщиков. При этом для некоторых из них законодатель в НК РФ устанавливает определенные обязанности (например, для банков). Всех этих лиц можно также назвать факультативными субъектами налоговых правоотношений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день существует проблема определения такого элемента налогового правоотношения как субъекты правоотношения. Это связано с недостаточным нормативно-правовым регулированием, которое выражается в том, что законодатель в НК РФ перечисляет большое количество субъектов налоговых правоотношений, но не включает их в перечень участников таких отношений, определенный в ст. 9 НК РФ. Из-за этого могут возникать трудности с определением субъектного состава конкретного налогового правоотношения.

Кроме изложенной нами классификации, в теории налогового права выделяют также следующую классификацию субъектов налогового правоотношения: частные субъекты (хозяйствующие субъекты) — налогоплательщики, плательщики сборов и страховых взносов, налоговые агенты и некоторые иные лица, а также публичные субъекты — государство в лице уполномоченных органов государственной власти, а также органы муниципальных образований. Всех их также можно назвать основными субъектами налоговых правоотношений.

¹ Герасимов Е.В. Общая характеристика субъектов и объектов российского налогового права и правоотношений // Молодой ученый. 2018. № 21 (207). С. 346–351.

² Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3961.

В теории налогового права также на сегодняшний день нет единого мнения о соотношении понятий «субъект налоговых правоотношений» и «участник налоговых правоотношений». Мы разделяем мнение В.А. Яговкиной, которая говорит о том, что под понятие «субъект налогового правоотношения» подпадают лишь налогоплательщики и государство или муниципальные образования (в лице уполномоченных органов государственной власти и органов муниципальных образований)³. Под субъектом понимаются только эти лица, потому что они имеют в налоговых правоотношениях непосредственный имущественный интерес⁴. А вот лица, которые вступают в данные правоотношения в конкретном случае, в конкретной ситуации, являются участниками налоговых правоотношений. Аналогичное мнение приводит и В.Ф. Евтушенко⁵. Так, например, налоговые органы привлекли к ответственности ООО «ЗАТО» за то, что оно не исчислило и не уплатило в установленный срок НДС за работника Сидоренко. В данных правоотношениях участниками являются налоговый орган и общество, поскольку именно они непосредственно участвуют в этих отношениях (у общества была обязанность в силу закона исчислять, удерживать и перечислять в бюджет НДС за работника). Субъектом в данных правоотношениях является работник Сидоренко, так как данные отношения касаются непосредственно его доходов. Однако данный работник может стать субъектом налогового правоотношения, если организация будет привлечена к ответственности за данное нарушение и налоговые органы обяжут работника самостоятельно исчислить и уплатить НДС.

³ Яговкина В.А. Налоговое правоотношение: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 97.

⁴ Крохина Ю.А. Налоговое право : учебник для академического бакалавриата. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019.

⁵ Евтушенко В.Ф. К вопросу о соотношении категорий «субъект налогового права» и «субъект налогового правоотношения» // Финансовое право. 2005. № 4. С. 12–16.

Также необходимо отметить, что законодательство о налогах и сборах предусматривает возможность исполнения определенных налоговых обязанностей не только лично, но и через представителей. В определенных же случаях иные лица могут исполнить обязанность по уплате налогов за налогоплательщика, согласно ст. 45 НК РФ. Однако в данном случае необходимо учитывать то, что при этом субъектом налогового правоотношения все равно является сам налогоплательщик. И привлекаться к ответственности соответственно за какое-либо нарушение будет налогоплательщик, несмотря на то, что он возложил исполнение своих обязанностей на других лиц. Данная позиция подтверждается также позицией Министерства финансов РФ (Письмо Минфина РФ от 13.10.2016 № 03-02-08/59759) и судебной практикой (п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57)⁶.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день в теории налогового права возникают проблемы с толкованием таких понятий как субъект налогового права и субъект налогового правоотношения. Однако нами все же было проведено различие между данными понятиями и рассмотрено определение понятия «субъект налогового правоотношения». Отличительной чертой налогового правоотношения от других видов правоотношений является то, что в нем обязательно одним из участников выступает государство. При этом от лица государства выступают, как правило, налоговые органы РФ.

В рамках данной темы нужно также изучить, что собой представляет объект налогового правоотношения. Такой неизвестный автор как И.А. Цинделиани в своих трудах приводил следующее определение понятия «объект налогового правоотношения»:

⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ношения»: «это то, по поводу чего между субъектами налогового правоотношения образуется правовая связь». Также в данной связи нужно отграничивать друг от друга такие понятия как объект налогового правоотношения и объект налогообложения, который устанавливается для каждого определенного налога. Легальное определение понятия «объект налогообложения» закрепляется в Налоговом кодексе РФ, а именно в ст. 38 НК РФ. Согласно данной статье объектами налогообложения могут быть: реализация товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, расход или иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику, с наличием которого законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога⁷. При этом важно отметить, что для каждого налога определяется самостоятельный объект налогообложения. Согласно ст. 17 НК РФ объект налогообложения является обязательным элементом налогообложения, без наличия которого не представляется возможным установить конкретный налог⁸.

Итак, можно сказать, что именно наличие конкретного объекта налогообложения является обязательным условием и предпосылкой возникновения налогового правоотношения. Важность объекта налогообложения в данном случае состоит в том, что без его определения невозможно возникновение налоговых правоотношений по исполнению налоговой обязанности. Это становится невозможным из-за того, что в таком случае будет отсутствовать объект налогового правоотношения, что является обязательным элементом структуры налогового правоотношения.

Это обусловлено тем, что обязанность конкретного налогоплательщика по уплате налога возникает лишь при наличии объекта, который подлежит налогообложению. Можно привести следующий пример. ООО «Альфа», специализирующееся на продаже строительных материалов, не получило прибыль за определенный налоговый период. Так как указанная организация не получила прибыль за налоговый период вообще, то в данном случае отсутствует объект налогообложения — прибыль организации, поэтому у организации не возникает обязанности по уплате налога на прибыль, следовательно, не возникает и правоотношения по исчислению и уплате ею налога на прибыль. Таким образом, организацию нельзя будет привлечь к ответственности за неуплату налога на прибыль, так как у нее не возникла обязанность по его уплате, соответственно, налоговое правоотношение по исполнению данной обязанности также не возникло. Стоит выделить, что объектом налоговых правоотношений также может выступать конкретное юридическое поведение определенных субъектов этого правоотношения. Например, при реализации государством в лице налоговых органов фискальной функции налоговой системы. Так, в качестве примера можно рассмотреть ситуацию, когда налогоплательщик нарушил свою обязанность по уплате налога. В таком случае налоговый орган должен привлечь налогоплательщика к обязанности за совершение налогового правонарушения, следовательно, из-за неуплаты налогов возникло налоговое правоотношение по привлечению к ответственности. Юридическое поведение субъектов может выступать в качестве объекта налогового правоотношения, поскольку данные правоотношения по своей природе могут быть как материальными, так и процессуальными.

Под содержанием налогового правоотношения стоит понимать взаимные права

⁷ Цинделиани И.А. Налоговое право : учебник / под ред. И.А. Цинделиани. 3-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2019.

⁸ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

и обязанности субъектов (участников) конкретного налогового правоотношения. При этом важным является то, что субъект обладает налоговой правосубъектностью. Несомненно, ввиду ограниченного объема нашей работы является нецелесообразным перечисление всех прав и обязанностей субъектов налогового правоотношения. В этой связи считаем достаточным перечислить основные из них, а также указать на определенные нормы права, в которых они закреплены. Необходимо для начала рассмотреть права и обязанности налогоплательщиков, плательщиков сборов, плательщиков страховых взносов (далее — налогоплательщики). Права частных субъектов налогового правоотношения закреплены в ст. 21 НК РФ. При этом, согласно данной статье, они обладают довольно большим количеством прав, которыми их наделил законодатель. Так, среди основных прав налогоплательщиков, закрепленных в данной статье, можно выделить следующие: безвозмездное получение информации о действующих налогах, законодательстве в данной области, порядке исчисления и уплаты налогов; получение разъяснений по вопросам применения законодательства в установленной сфере от Минфина России, от финансовых органов субъектов РФ и МО в письменной форме; применение налоговых льгот; изменение срока уплаты налога (путем получения отсрочки, рассрочки или инвестиционного налогового кредита); представление пояснений по актам проведенных налоговых проверок; устранение выявленных нарушений в соответствии с предписаниями налогового органа и др. Также налогоплательщики не ограничены в возможности присутствия при проведении выездных налоговых проверок в отношении них. Обязанности налогоплательщиков получили закрепление в ст. 23 НК РФ. Ключевой обязанностью налогоплательщика является обязанность по уплате налогов и сборов, которые установ-

лены в соответствии с НК РФ. Также основными обязанностями являются следующие: ведение учета доходов, расходов, а также объектов налогообложения; выполнение законных требований должностных лиц и налогового органа и другие. Также для таких категорий налогоплательщиков как организации и ИП предусмотрены дополнительные обязанности, которые также закреплены в приведенной статье.

Необходимо также рассмотреть права и обязанности налоговых органов. Права данных органов устанавливаются в ст. 31 НК РФ. Исходя из данной статьи можно выделить следующие права: требовать от частных субъектов налогового правоотношения необходимые для осуществления контрольной деятельности документы; проводить налоговые проверки; осуществлять выемку документов в необходимых случаях; налагать арест на имущество налогоплательщика, а также приостанавливать операции по счетам; требовать устранения выявленных нарушений; привлекать иных лиц для осуществления налогового контроля и др. Несмотря на широкий перечень прав налоговых органов, они также обременены законом большим количеством обязанностей. Так, согласно ст. 32 НК РФ обязанностями налоговых органов являются: соблюдение законодательства в установленной сфере; осуществление контроля за соблюдением данного законодательства; ведение учета юридических и физических лиц; бесплатное информирование налогоплательщиков о законодательстве в установленной сфере и об изменениях в нем; соблюдение налоговой тайны и обеспечение ее сохранения и др. Необходимо сказать о том, что права налогоплательщиков корреспондируют обязанностям налоговых органов. Данный вывод был сделан нами в результате подробного изучения прав и обязанностей данных субъектов налоговых правоотношений. Также важно отметить, что налоговые ор-

ганы при осуществлении своей деятельности в силу ст. 32 НК РФ обязаны руководствоваться письменными разъяснениями Минфина РФ, что также подтверждается Письмом Минфина РФ от 7 августа 2007 г. № 03-02-07/2-138 «Разъяснения положений налогового законодательства в части статьи 34.2 НК РФ». Но при этом стоит обратить внимание на то, что Минфин России в данном письме прямо указывает на то, что налоговые органы должны руководствоваться только такими письменными разъяснениями Минфина, которые адресованы непосредственно ФНС России. Получается, что ФНС России не обязана руководствоваться разъяснениями, которые направлены конкретным заявителям.

При невыполнении налогоплательщиком обязанностей, предусмотренных НК РФ, он может быть привлечен к разным видам юридической ответственности: административной ответственности (предусмотрена КоАП РФ), ответственности за совершение налоговых правонарушений (предусмотрена главой 16 НК РФ), а также к уголовной ответственности (предусмотрена УК РФ).

В заключение необходимо отметить, что на сегодняшний день в теории налогового права сохраняются споры между учеными о соотношении понятия «участник налогового правоотношения» и «субъект налогового правоотношения». На наш взгляд, проблема отсутствия единообразного пони-

мания данных понятий заключается в том, что законодатель в ст. 9 НК РФ закрепил не всех субъектов налогового правоотношения. Несмотря на это, проведенное нами исследование позволяет определить суть налоговых правоотношений и элементы их структуры. В связи с этим было бы целесообразным определение законодателем в НК РФ полного перечня лиц, которые могут являться субъектами налоговых правоотношений. К ним же нужно добавить банки, переводчиков, специалистов и т.д. Это позволит избежать трудностей при определении субъектов в структуре конкретного налогового правоотношения. Хотелось бы верить, что законодатель пойдет на такой шаг, что позволит усовершенствовать нормативное правовое регулирование структуры налоговых правоотношений.

Тема структуры налоговых правоотношений на сегодняшний день не раскрыта и не разработана должным образом. Таким образом, представляется необходимым и вполне возможным дальнейшее углубленное изучение такого института как налоговое правоотношение и элементов его структуры. Для полного неукоснительного соблюдения прав и свобод налогоплательщиков, устанавливаемых Конституцией РФ и другими нормативно-правовыми актами, необходимо совершенствование норм права, которые регулируют права и обязанности субъектов налогового правоотношения.

Литература

1. Герасимов Е.В. Общая характеристика субъектов и объектов российского налогового права и правоотношений / Е.В. Герасимов // Молодой ученый. 2018. № 21 (207). С. 346–351.
2. К вопросу о соотношении категорий «субъект налогового права» и «субъект налогового правоотношения» / В.Ф. Евтушенко // Финансовое право. 2005. № 4. С. 12–16.
3. Крохина Ю.А. Налоговое право : учебник для академического бакалавриата / Ю.А. Крохина. 8-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 428 с.
4. Цинделиани И.А. Налоговое право : учебник / под редакцией И.А. Цинделиани. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Проспект, 2019. 704 с.
5. Яговкина В.А. Налоговое правоотношение: теоретико-правовой аспект : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.А. Яговкина. Москва, 2003. 24 с.